

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Факультет мировой политики

А.А.Кокошин

**Политико-военные
и военно-стратегические
проблемы
национальной
безопасности России
и международной
безопасности**

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2013

УДК 323
ББК 66.4(0)
К59

Редакционный совет:

А.С. Бабуркин, Ю.Н. Балувский, В.А. Веселов, В.П. Володин,
В.И. Есин, Н.Н. Ефимов, В.А. Золотарев, А.А. Кокошин, А.В. Лисс,
С.В. Мезенцев, Г.В. Осипов, А.Н. Панов, В.Я. Потапов,
П.П. Скороспелов, А.В. Торкунов, А.О. Чубарьян, С.М. Шахрай

Научный редактор — к.и.н. О.А. Кубицкая

Кокошин, А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности [Текст] / А. А. Кокошин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 261, [3] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1068-1 (в обл.).

В книге академика РАН А. А. Кокошина, 6-го секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, занимавшего также посты первого заместителя министра обороны Российской Федерации, секретаря Совета обороны Российской Федерации, рассматриваются ряд политико-военных и военно-стратегических проблем национальной безопасности России. В их числе — концептуальные вопросы взаимоотношений между политической и военной стратегией, долгосрочные проблемы обеспечения стратегической стабильности, оценка тенденций в развитии сил и средств общего назначения, вопросы неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России и др.

Для студентов, аспирантов и преподавателей гражданских и военных вузов, а также для всех интересующихся политико-военной и военно-стратегической проблематикой.

УДК 323
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-7598-1068-1

© Кокошин А.А., 2013
© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013
© МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Политика и военная стратегия: взаимодействие и взаимовлияние	11
Глава 2. О решении в стратегическом управлении в военной сфере	71
Глава 3. Разведка в системе стратегического управления (руководства)	94
Глава 4. Долгосрочные проблемы обеспечения стратегической стабильности	142
Глава 5. Некоторые тенденции в развитии вооруженных сил и средств общего назначения и их воздействие на стратегическую стабильность	196
Глава 6. О системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России	208
Глава 7. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности	224
Глава 8. 22 июня 1941 г. и некоторые его уроки для развития современных Вооруженных сил Российской Федерации	246

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важность данной работы состоит в том, что в ней рассматриваются как теоретические, так и прикладные вопросы национальной безопасности России и международной безопасности.

Большое значение имеет представленная автором новая редакция разработки проблем обеспечения стратегической стабильности, подчеркивается огромная роль усилий в этой области для обеспечения национальной безопасности России. Здесь особо следует отметить важность тезиса академика А.А. Кокошина о необходимости учета обратных связей между политической и военной стратегией, о том, что в принятии политических решений о применении военной силы обязательно должны учитываться сугубо военные факторы, мнения, оценки военных профессионалов.

Проблеме принятия важнейших решений в области обороны посвящена специальная глава данной книги «О решении в стратегическом управлении в военной сфере». В нашей стране А.А. Кокошин является едва ли не единственным автором, успешно сочетающим теоретическую и прикладную разработку этой исключительно важной и сложной темы.

А.А. Кокошин справедливо отмечает, что решение — это своего рода фокальная точка всего управленческого процесса. Соответственно фокальной точкой стратегического управления является стратегическое решение. Стратегические решения в области обороны, утверждает автор, оказывают воздействие на крупномасштабные процессы, на исход войны, на судьбу отдельных государственных руководителей, высшего командования вооруженных сил, а в конечном счете, в зависимости от масштаба войны, на судьбу страны и народа в целом. С глубоким знанием дела он пишет о том, что в большинстве своем решения по военным вопросам принимаются при отсутствии всей полноты информации. Но, подчеркивает А.А. Кокошин, «ее компенсирует опыт руководителей, опыт аппарата, наличие сильной

институциональной памяти, воображение, основанное на глубоких знаниях предмета».

Вообще к теме *институциональной памяти* А.А. Кокошин обращается регулярно в своих работах по проблемам управления. С сожалением можно констатировать, что у нас нередко забывают об этой исключительно важной управленческой категории, производя многочисленные структурные изменения в аппарате, увольняя при этом ценнейшие опытные кадры, обладающие институциональной памятью.

А.А. Кокошин демонстрирует весьма реалистический взгляд на механизм принятия решений, говоря о том, что принятие решений на войне — сложный мыслительный процесс с активным вторжением эмоций, всякого рода случайностей, несуразностей, нарушающих стройную формализованную логику.

Весьма полезной с практической точки зрения является предлагаемая А.А. Кокошиным классификация ситуаций, в которых принимаются стратегические решения: в мирное время в относительно спокойной военно-политической обстановке; в период обострения международной обстановки; в момент возникновения острого кризиса; в явно предвоенный период, когда дело уже почти наверняка идет к войне, но пушки еще не заговорили; и наконец, собственно в ситуации военного времени.

А.А. Кокошину, занимавшему на протяжении ряда лет крупные посты в системе государственного управления (руководства) нашей страны, приходилось часто иметь дело с различными разведанными по вопросам обороны и национальной безопасности, координировать усилия отечественных разведслужб по ряду направлений. Соответственно он оценивает роль разведки в системе стратегического управления в этих областях с точки зрения *потребителя* разведанных, с позиций лица, принимающего политические и политико-военные решения. Автор рассматривает политическую и военную внешнюю разведку как весьма важные органы.

Нельзя не отметить, что в отечественной литературе, отечественной политологии, военной науке это едва ли не единственный случай такого подхода к столь важной теме. Заслуга автора состоит именно в том, что эту проблему он рассматри-

вает с большим знанием дела, с учетом различных конкретно-исторических ситуаций именно в ракурсе государственного управления. «Концентрация усилий разведывательной деятельности прежде всего на обеспечении высшего руководства информацией, необходимой для принятия решений, самоочевидна и происходит едва ли не автоматически, но это только на первый взгляд», — пишет А.А. Кокошин.

Далее автор отмечает, что «в годы “холодной войны” все больше усилий у разведслужб обеих сверхдержав уходило на противоборство друг с другом, на получение максимально возможной информации о деятельности разведки (и контрразведки) другой стороны. Результаты в этой сфере деятельности ценились особенно высоко “по обе стороны баррикад”, что вполне понятно хотя бы в силу повышенной рискованности и сложности проведения соответствующих операций».

В то же время А.А. Кокошин правомерно утверждает: «При всей важности нацеленности разведки на такую деятельность, на такую информацию она далеко не всегда является наиболее важной с точки зрения интересов стратегического управления». Существенно, впрочем, замечание автора о том, что «исключение составляет, разумеется, информация о деятельности разведслужбы другой стороны, направленной на изменение политической или политико-военной ситуации в той или иной стране мира, представляющей для данного государства жизненно важный интерес».

Вопросы обеспечения стратегической стабильности обособленно рассматриваются автором как в ее ядерном, так и в неядерном измерении. А.А. Кокошин исследует эти вопросы в определенном историческом контексте, начиная, по крайней мере, с 1960-х годов. Автор известен тем, что ряд своих принципиально важных работ по проблемам стратегической стабильности он «произвел» на свет (с различными уровнями открытости и секретности) еще в 1980-е годы. Эти работы сохраняют свою актуальность и по сей день. В предлагаемой вниманию читателя книге А.А. Кокошин представляет свое современное видение данной проблемы, ее различных политико-военных, оперативно-стратегических и научно-технических аспектов. Он

справедливо пишет о том, что «главным аспектом стабильности является наличие некоего потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений означало бы переход военно-стратегической «суперсистемы» в новое качественное состояние — от взаимодействий, характерных для мирного времени, к взаимодействию, определяемому принципиально отличной военной логикой, логикой, ведущей к ядерной, стратегической войне».

Автор отмечает, что «понятия *равновесие* и *стабильность*, прежде отражавшие по сути одно и то же состояние стратегического соотношения сил сторон ...стали все заметнее расходиться в своем значении». По его словам, «термин *равновесие* скорее отражает количественные параметры существующей ядерной «суперсистемы», тогда как понятие *стабильность* характеризует ее качественное содержание. Ведь равновесие может быть устойчивым, а может быть и неустойчивым».

Во многих своих работах по политико-военной и военно-стратегической проблематике А.А. Кокошин не раз обращался к теме *асимметричности* как важному способу оптимизации усилий по обеспечению обороноспособности нашей страны в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. В данном труде он пишет: «Задача поддержания военно-стратегического равновесия с учетом существующего потенциала ракетно-ядерных вооружений *не предполагает обязательного поддержания точного симметричного равенства сил сторон по числу носителей боевых блоков и бомб (их совокупному “мегатоннажу”), по забрасываемому (выводимому) весу*». Автор обоснованно констатирует: «Огромная разрушительная сила ядерного оружия до определенных пределов нивелирует различия в размерах арсеналов сторон, в технических характеристиках отдельных компонентов их стратегических сил».

Полной поддержки заслуживает позиция А.А. Кокошина о том, что нам ни в коем случае нельзя отказываться от нестратегического ядерного оружия.

Для надежного обеспечения стратегической стабильности автор предлагает осуществить комплекс мер неядерного (предъядерного) сдерживания с использованием высокоточ-

ного дальнобойного оружия с обычными боезарядами либо с использованием средств на новых физических принципах. Конкретно обращается внимание на использование крылатых ракет воздушного и морского базирования. Убедительна логика комментируемого труда относительно того, что неядерное сдерживание — это очень важное средство предотвращения эскалационного доминирования «оппонента» в условиях острой кризисной ситуации.

На сегодняшний день А.А. Кокошин является едва ли не единственным в нашей стране ученым, государственным и военным деятелем, который разрабатывает тему эскалационного доминирования. Думается, что ей надо уделять больше внимания в военно-политических разработках и разработках сугубо военного плана. Проблема предотвращения эскалационного доминирования — это тема для военно-доктринальных установок, для стратегии национальной безопасности России, для конкретных планов применения Вооруженных сил РФ.

Весьма логичным представляется включение в книгу глав, посвященных исключительно важным моментам в отечественной и мировой политико-военной и военной истории.

Острейший в послевоенной мировой истории Карибский кризис 1962 г. рассматривается А.А. Кокошиным в контексте проблемы стратегической стабильности в прошлом и настоящем. Раскрытие сути Карибского кризиса именно в таком контексте дополнительно подчеркивает, что эта тема не только представляет большой исторический интерес, но и весьма актуальна в наше время, когда появляются новые вызовы и угрозы стратегической стабильности.

А.А. Кокошин в числе немногих авторов обращает внимание на то, что Карибский кризис высветил, в частности, проблему несанкционированного применения ядерного оружия. Вооруженные силы обеих сторон были приведены к высоким степеням боеготовности. Но такие шаги, оправданные с сугубо военной точки зрения и служащие средством оказания политического воздействия на оппонента, неизбежно вели и к повышению вероятности случайного и несанкционированного использования оружия, в том числе ядерного. В то же время меры,

обеспечивающие предотвращение такого развития событий, как отмечает автор, «надежнее, как правило, работают в условиях невысокого уровня политико-военной напряженности».

Академик А.А. Кокошин вполне оправданно уделяет большое внимание формулированию уроков Карибского кризиса в плане обеспечения эффективного управления в кризисных ситуациях. Заметим, эти уроки поучительны для нынешнего поколения государственных и военных руководителей.

Автор последовательно проводит мысль о неразрывной взаимосвязи военных и политических аспектов решений по международным вопросам. Он справедливо подчеркивает, что чисто военные меры должны дополняться продуманными шагами во внешнеполитической, дипломатической сфере.

Размышления А.А. Кокошина о некоторых уроках июня 1941 г. поучительны для решения современных проблем строительства Вооруженных сил России.

В этом смысле, безусловно, необходимо обратить внимание на проблемы обеспечения средствами связи, ее организации и в целом роли связи в боевом управлении: на протяжении десятилетий после Второй мировой войны в наших войсках не раз возникали проблемы обеспечения средствами связи.

Выступая 27 февраля 2013 г. на Расширенной коллегии Министерства обороны Российской Федерации, Президент России — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Российской Федерации В.В. Путин отметил, что в ходе предстоящих крупных учений ВС РФ необходимо в том числе «проверить работу систем управления войсками и координацию действий частей и соединений, что особенно важно, имея в виду наши проблемы, касающиеся связи»¹. Далее В.В. Путин добавил: «На это прошу обратить особое внимание»².

Разумеется, в современных условиях проблемы связи, управления в целом следует в значительной мере рассматри-

¹ Расширенная коллегия Министерства обороны Российской Федерации. 27.02.2013. См.: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/новости/17588>

² Там же.

вать в контексте борьбы в киберпространстве, ведения «кибервойн», как в военное, так и в мирное время.

Итак, предлагаемый вниманию читателей труд представляет большой научный и практический интерес. Тем более что автор его известен и как один из крупнейших отечественных ученых, и как государственный и военный деятель России, внесший очень весомый вклад в укрепление обороноспособности нашей страны, ее национальной безопасности.

Ю.Н. Балувеский,
генерал армии в отставке, бывший начальник Генерального штаба
Вооруженных сил РФ — первый заместитель министра обороны РФ,
бывший заместитель секретаря Совета Безопасности РФ

В.П. Володин,
генерал-лейтенант в отставке, к.в.н., бывший председатель
Военно-научного комитета Генерального штаба Вооруженных сил РФ

В.Я. Потапов
генерал-полковник в отставке, бывший заместитель
секретаря Совета Безопасности РФ

Глава 1

ПОЛИТИКА И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ¹

Вопросы взаимовлияния и взаимодействия политики и военной стратегии продолжают оставаться чрезвычайно актуальными как с научной, так и с практической точки зрения. Они имеют, в частности, прямое отношение к стратегическому управлению (руководству) в сфере национальной обороны. Это относится и к внешней политике, которая в значительной мере должна опираться на военную мощь государства, в том числе на возможности ее использования в той или иной конфликтной или кризисной ситуации.

Очевидно, что данные вопросы не могут рассматриваться исключительно в рамках военной теории или истории военного искусства. Это, безусловно, комплексная тема, требующая работы на стыке социологии, политологии, различных исторических дисциплин и, наконец, собственно военного дела.

* * *

Наиболее известная формула Клаузевица о соотношении политики и войны гласит: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами». Это едва ли не центральная часть учения Клаузевица о войне, на

¹ Данная глава является развитием разработок автора, представленных прежде всего в таких книгах, как «Армия и политика. Эволюция советской военно-политической и военно-стратегической мысли, 1918—1991 годы», «Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России», «Политология и социология военной стратегии».

которой прежде всего сосредоточено внимание политиков, ученых, военных².

С тех пор как был опубликован ставший каноническим труд Клаузевица «О войне», содержащий приведенную формулу, прошло уже более 160 лет, но несмотря на это практически никто не смог опровергнуть его общие положения³.

В то же время попытки различной интерпретации и детализации формулы Клаузевица предпринимались постоянно, предпринимаются и поныне. Ее осмысление, как правило, имеет значение, выходящее далеко за рамки интеллектуальных упражнений узкой группы посвященных. Те или иные нюансы, явно или неявно отраженные в этой формуле, играют огромную роль в стратегическом управлении (руководстве), в судьбе любой военной кампании или войны. А если речь идет о войне с крупномасштабными политическими целями (и соответствующим размахом боевых действий), — то и в судьбе страны. Строго выверенные теоретические положения помогают достичь оптимального характера взаимоотношений между политическим руководством стран и военным командованием в высшем стратегическом звене управления; они позволяют установить подобные отношения и во всех последующих звеньях. Именно формула Клаузевица дает возможность очертить сферу ответственности гражданских политических руководи-

² Важное замечание на этот счет сделал в начале 1920-х годов председатель Реввоенсовета РСФСР, наркомвоенмор Л.Д. Троцкий: «Война есть продолжение политики: кто хочет понять “продолжение”, тот должен уяснить себе, что ему предшествует. Но продолжение “другими средствами” значит: недостаточно быть ориентированным в политике, чтобы тем самым уже правильно оценивать “другие средства войны”» (цит. по: *Кишин Ю.Я.* Лев Троцкий — военный теоретик. Клинцы: Изд-во Клиновской городской типографии, 2003. С. 29).

³ Между тем ряд авторов справедливо обращают внимание на изменившийся со времен Клаузевица характер самой политики. Генерал армии В.Н. Лобов, например, пишет: «В наши дни политика стала одной из самых ярких форм общественного сознания. В условиях широкого развития новейших форм и средств коммуникаций и средств связи политика осознается как приоритетная социальная ценность» (*Лобов В.Н.* Очерки истории отечественных военных реформ. М.: Абизо, 1995. С. 141).

телей, а также военных профессионалов, призванных реализовывать политические установки в планах стратегических действий, в планах подготовки и проведения операций и даже в тактике, определить военные способы достижения конкретных политических целей.

На основе формулы Клаузевица видным советским военачальником и государственным деятелем М.В. Фрунзе было разработано отечественное учение о военной доктрине, которую Фрунзе подразделял на две основные части — политическую и «техническую». Под «технической» он подразумевал характер боевой подготовки войск, методы решения боевых задач на уровне стратегии, оперативного искусства, тактики, организационные основы строительства Красной Армии. В политической же части военной доктрины, считал Фрунзе, должен определяться «характер военных задач», «момент зависимости и связи технического строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни»⁴.

Формулой Клаузевица и определяется наиболее ярко и многозначно характер взаимоотношений между политической и военной стратегией.

До Клаузевица в теоретических и прикладных трудах европейских авторов по вопросам войн и военного искусства господствовали совершенно иные взгляды на войну. При этом даже у таких канонических авторов, как Т. Гоббс и Ш. Монтескье, которых сегодня назвали бы «политологами», размышления о войне («о войне и мире»), лежат совсем в другой плоскости, нежели у Клаузевица.

Примером такого рода размышлений может служить и определение войны, которое дал в своих «Записках» Р. Монте-

⁴ Единая военная доктрина и Красная Армия // Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1957. Т. 2. С. 7–8. О военной доктрине М.В. Фрунзе см.: *Гареев М.А.* Фрунзе — военный теоретик. М.: Воениздат, 1985. С. 105–133; *Кокошин А.А.* О предмете военной доктрины: дебаты 1920-х гг. «О единой военной доктрине» и их некоторые уроки // Воин содружества. 1998. № 6. С. 28–29; *Он же.* Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918–1991 годы. М.: ИМО, 1995. С. 34–36.

кукколи. Этот весьма авторитетный в XVII в. военный теоретик, чьи труды почитались и в XVIII в., полководец, одержавший немало побед над шведскими и турецкими войсками, писал, что «война есть действие между собой различными способами воюющих армий; а обоих намерение к получению победы клонится»⁵.

Видный российский военный теоретик и историк, профессор Николаевской академии Генерального штаба Г.А. Леер, творивший на несколько десятилетий позднее Клаузевица, в своем главном труде приводит формулу, подобную той, что дал прусский военный писатель, но с весьма существенной оговоркой, что война есть *крайнее средство* политики: «Война является в виде одного из средств и притом крайнего средства в руках политики для достижения государственных целей». Тут же Леер добавляет, что война «есть спор о праве между государствами, рассматриваемыми как политические силы»⁶.

Леер, в отличие от Клаузевица, не углублялся далее в соотношения между политикой и войной, но пытался доказать, что в современных для него условиях «война есть явление весьма естественное в жизни народов»; она, хотя и имеет свою «широкую злую сторону», но «в конце концов, при благоразумном орудовании этим средством является одним из самых быстрых и могущественных цивилизаторов человечества»⁷.

Такого рода взгляды на войну были весьма распространены в Европе вплоть до Первой мировой войны, которая масштабами насилия и разрушений превзошла все предположения подавляющего большинства политиков и профессиональных военных и заставила международное сообщество по-новому взглянуть на роль войны в развитии мировой цивилизации (что, увы, не предотвратило Вторую мировую войну, еще более разрушительную и жестокую).

⁵ Записки Раймунда графа Монтекукколи Генералиссима Цесарских Войск, генерала-фельдцейгмейстера и ковалера Златаго Руна, или Главныя правила военной науки, вообще. Печатано при Императорском Московском университете. 1760 года / пер. с фр. Я.С. Семченкова. Т/О «НЕФОРМАТ»; Accent Graphics Communications, 2012. С. 2–3.

⁶ *Леер Г.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (Положительная стратегия). СПб., 1869. С. 1.

⁷ Там же. С. 3.

Многие видные мыслители, политические и военные деятели рассматривали книгу «О войне» не просто как специальный трактат на военную тему, а как цельный философский труд. Таким его, в частности, видели Ф. Энгельс и В.И. Ленин⁸. Последний самым тщательным образом в ходе Первой мировой войны проштудировал этот труд Клаузевица, оставив множество выписок из него и пометок⁹.

Заслуживают внимания и оценки Клаузевица И.В. Сталиным, сделанные после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Эти оценки значительно менее известны, нежели то, что писали о Клаузевице Энгельс и Ленин. Клаузевицу посвятил Сталин свой ответ известному советскому военному историку полковнику Разину (от 23 февраля 1946 г.; он был опубликован в № 3 журнала «Большевик» за 1947 г.).

Разин в письме Сталину спрашивал, не устарели ли положения Ленина в оценке Клаузевица. Он пишет, что вопрос поставлен неверно. Сталин отмечает, что «в отличие от Энгельса, Ленин не считал себя знатоком военного дела», причем «вплоть до окончания гражданской войны», что он заявлял своим более молодым товарищам по руководству большевистской партии и советского государства, что «ему уже поздно из-

⁸ В 1933 г. вышло специальное издание, содержащее размышления В.И. Ленина о труде Клаузевица. См.: *Ленин В.И. Замечания на книгу Клаузевица «О войне и ведении войн»*. М.: Партиздат, 1933.

⁹ «Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами». «Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам Клаузевицу», — писал В.И. Ленин в своем труде «Социализм и война» в 1915 г. (*Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. М.: Политиздат, 1961. Т. 26. С. 316). В другой, несколько более ранней работе «Крах II Интернационала» Ленин оценил Клаузевица практически идентично: «В применении к войнам основное положение диалектики... состоит в том, что *“война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами”*. Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривавших как продолжение политики данных заинтересованных держав — и разных *классов* внутри них — в данное время» (Там же. С. 224).

учать военное дело». Этим Сталин объясняет своей аудитории, что «Ленин подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик»¹⁰.

Не опровергая высокую оценку, которую давал Ленин канонической формуле Клаузевица о примате политики над войной, Сталин пишет о том, что надо критиковать «военную доктрину Клаузевица», что «мы обязаны с точки зрения интересов нашего дела и военной науки нашего времени раскритиковать не только Клаузевица, но и Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и других носителей военной идеологии Германии»¹¹. При этом Сталин призывает к тому, чтобы покончить с «незаслуженным уважением» к «военным авторитетам Германии», для чего «нужна критика, особенно с нашей стороны, со стороны победителей Германии»¹².

Как вспоминали многие ветераны — представители отечественной военной науки, это высказывание Сталина практически поставило крест на сколько-нибудь серьезном изучении сильных сторон военного искусства нацистской Германии, в том числе оперативного искусства вермахта в целом и его отдельных видов, в частности ВВС — люфтваффе. А здесь германской стороной не раз демонстрировались крупные, даже экстраординарные результаты, которые вели к тяжелым поражениям Красной Армии, к крупным потерям.

Клаузевиц, воспитанный на идеях и логике Макиавелли, Канта, Монтескье, как отмечают ряд отечественных авторов, вместе с тем непосредственно опирался на диалектику Гегеля, применяя ее в качестве базовой методологии¹³.

Одна из важнейших конкретно-исторических работ Клаузевица, предшествовавших труду «О войне», — книга

¹⁰ *Сталин И.В.* Ответ товарищу Разину. URL: www.politology.vuzlib.prg (дата обращения: 18.12.2012).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: От редакции // Клаузевиц. О войне. 4-е изд. М.: Госвоениздат, 1937. Т. I. С. 8. Автором этого предисловия авторитетные отечественные ученые называют А.А. Свечина.

«1812 год». (В нашей стране она впервые увидела свет в 1937 г., прежде всего усилиями А.А. Свечина, и была переиздана только в 2003 г.) Основные теоретические выводы Клаузевица опираются в первую очередь на его собственный опыт участия в войне 1812 г.¹⁴, в которой Россия нанесла тяжелейшее поражение наполеоновской Франции. Между работами «1812 год» и «О войне» прослеживается определенная связь, прежде всего в вопросах об установлении соотношения политики и военной стратегии, наступления и обороны, о форме и сущности оперативного маневрирования, о сущности стратегического истощения и др. В труде «О войне» можно найти 37 ссылок на опыт войны 1812 г.¹⁵

Еще в молодости Клаузевиц изучил историю походов шведского короля Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг.; позднее он дал стратегическое освещение походам французского военачальника XVII в. Тюренна, французского маршала XVII в. герцога Люксембурга, польского полководца и короля Яна Собеского, российского генерал-фельдмаршала (с 1732 г.) Б. Миниха, Фридриха Великого, Фердинанда Брауншвейгского и подошел к изучению войн эпохи Наполеона, на которых он остановился значительно подробнее. Кампания Наполеона 1796 г. в Италии, походы Суворова 1799 г. в Италии и Швейцарии, кампания 1806 г. в Пруссии, поход Наполеона в Россию в 1812 г., война за освобождение Германии 1813–1815 гг. — вот темы, которые детально исследовал этот выдающийся ученый.

Деятельность Клаузевица, проанализировавшего более чем 200-летний военный опыт, — едва ли не самый поучительный пример того, какую роль играет изучение военной истории для выработки военной теории, глубоких оценок современности и предвидений, для разработки проблем военной науки.

¹⁴ В войне 1812 г. К. Клаузевиц принадлежал к той небольшой, но очень активной группе патриотически настроенных прусских офицеров генерального штаба, которые эмигрировали в Россию для того, чтобы под русскими знаменами продолжать борьбу с Наполеоном, в 1806 г. разгромившим Пруссию.

¹⁵ См.: *Клаузевиц К. 1812 год* / пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1937.

М.В. Фрунзе подчеркивал, что «простое историческое описание военных событий — это, по существу, лишь сырой материал». Он справедливо указывал, что, «только изучая детально всю обстановку борьбы, выясняя условия, в которых зарождалась, развивалась и проходила каждая операция, выявляя влияние самых разнообразных, иногда совершенно скрытых факторов, мы сможем верно судить о событиях, делать оценки и выводы...»¹⁶.

Профессор Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-майор И.С. Даниленко пишет о военной науке следующее: «Военная наука начала формироваться и получила “права гражданства”, то есть признание общества и государства в конце XVIII века. С этого времени почти во всех странах активно идет процесс “обнаучивания” своей и чужой военной практики, анализируется и оценивается военно-политическая ситуация, делаются обобщающие выводы и прогнозы, которые предлагаются государству и обществу для выработки своей позиции, принятия оптимальных решений и действий в меняющихся исторических условиях». Даниленко приводит весьма примечательные оценки военной науки в нашей стране: «Слабостью военной науки оказался преимущественно ведомственный метод ее развития, малая доступность для общественности, сфокусированность ее содержания на проблемах только технологии подготовки и ведения войны и слабая связь с вопросами раскрытия ее природы, социального смысла и целей. Обычно война провозглашалась извечной исторической данностью со времен Адама и Евы, и предполагалось, что конец ее наступит с концом истории. Задачей науки ставился поиск путей победного воевания»¹⁷.

Далее данный автор пишет: «Причиной обособленного, можно даже сказать, некоего сектантского положения военной науки явилась сложившаяся система мирно-военного разделения труда, то есть выделение профессиональной группы людей, которые постоянно занимаются вопросами подготовки и ведения войны, и малое непосредственное участие в решении военных дел остального общества. Такое же разделение труда пришло и

¹⁶ Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М.: Наука, 1991. С. 199.

¹⁷ Даниленко И.С. Классика всегда актуальна // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 8.

в науку, в ней военная наука выделилась в особую область. Но разделение общественного труда порождает непростую проблему его интеграции, от решения которой в большой мере зависит эффективность существующей системы разделения труда, в интересах повышения которой она и осуществляется. Применительно к мирно-военному ходу исторического процесса проблемы разделения и интеграции труда оказались чрезвычайно сложными и ответственными, в том числе и в научном плане. Была и другая причина замкнутости военной науки: нежелание просвещать вероятного противника, стремление преподнести ему в войне шокирующие сюрпризы»¹⁸.

К сожалению, барьеры между военной наукой и другими областями знания, без которых давно уже невозможно изучать проблемы даже собственно военной стратегии, весьма высоки, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки их преодолеть, которые в ряде случаев давали весьма плодотворные результаты¹⁹.

Роль военно-исторических знаний в научном осмыслении политико-военных и военно-стратегических проблем остается базовой и в современных условиях, когда стремительно изменяется характер войн и вооруженных конфликтов. Как пишет отечественный военный историк С.Н. Михалев в своем капитальном труде по военной стратегии, «уже в прошлом веке значение опыта прошедших хотя бы и недавно войн стремительно устаревает. Не только достижения Наполеона и Мольтке, но и опыт обеих мировых войн стал достоянием истории. Никому в голову не придет ныне извлекать практические советы из сочинений Клаузевица и Жомини, класть в основу замыслов операций схемы Бюлова и эрцгерцога Карла Австрийского». Тем не менее опыт этих войн, труды классиков военного дела, как спра-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Многие идеи, касавшиеся проблем, которые лежат на стыке политики и военной стратегии, удалось обсудить, «испытать на прочность» в рамках совместных семинаров группы ученых Академии наук СССР и Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР «Политика и военная стратегия», одним из сопредседателей которых был генерал-майор И.С. Даниленко, а другим — автор данной работы.

ведливо заключает Михалев, необходимо изучать «с целью обретения базы для развития военного мышления»²⁰.

Весьма значительная часть этой базы на многие десятилетия в силу идеологических и политических причин была забыта. Только в последние несколько лет она начинает восстанавливаться — прежде всего за счет возвращения в научный оборот тех трудов, которые издавались в СССР в 1920–1930-е годы.

Возвращаясь к Клаузевицу, следует отметить, что в своих конкретно-исторических трудах он тщательно рассматривал многие детали, в частности анализировал, как принимались решения, какую роль и в каких союзах играли при этом конкретные люди.

Обстоятельные и весьма рельефные характеристики основных действующих лиц в системе стратегического управления — это практически неперменный атрибут работ Клаузевица. Так, в исследовании, посвященном поражению Пруссии в войне с Францией в 1806 г., он дает подробный анализ личных качеств 16 лиц, имевших отношение к руководству войной в Пруссии в этот трагический для нее год. Среди них — не только такие известные деятели, как герцог Карл Брауншвейгский, фельдмаршал Моллиндорф, генерал Рюхль, князь Гогенлоэ, полковник Шарнгорст, но и менее заметные фигуры — граф Гаугвиц, кабинетный советник Ломбард, тайный кабинетный советник Бейме и др.²¹

Позднее в теоретическом труде «О войне» Клаузевиц пишет, что «искры личных отношений», которые пролетают «через любые материальные перегородки», имеют «исключительное значение на войне, где личность деятелей — в кабинете и в поле — играет такую крупную роль»²².

Для любого исследователя это чрезвычайно важный ориентир, который не должен упускаться из виду ни в теоретических, ни в прикладных разработках.

²⁰ Михалев С.Н. Военная стратегия: подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / под ред. В.А. Золотарева. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 27.

²¹ См.: Клаузевиц К. 1806 год / пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1936. С. 23–48.

²² Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 66.

Чтобы несколько углубиться в рассмотрение связей между политикой и войной, следует вспомнить практически незамеченные определения *собственно войны*, данные Клаузевицем. Война «представляет собой своеобразную троицу», составленную из следующих элементов: «из насилия как первоначально-го своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*»; «из игры вероятностей и случайностей, что делает ее *свободной душевной деятельностью*»; «из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно *рассудка*»²³.

Далее Клаузевиц пишет, что первая из этих трех сторон «обращена больше к *народу*, вторая — к полководцу и его *войску*, а третья — к правительству»²⁴.

Понятно, почему в нашей стране в советское время это «триадное» определение войны Клаузевица практически не использовалось в научном обиходе: слишком много в нем того, что в то время называлось идеализмом («слепой природный инстинкт», «свободная душевная деятельность»). Война в упрощенно материалистической трактовке рассматривалась почти исключительно как рациональный процесс, как противостояние двух разумов, двух логично действующих организаций, военных машин. Такого рода инерция мысли сохраняется во многом и по сей день.

Между тем история войн учит, что «слепой природный инстинкт» действительно играет огромную роль в ходе реальных военных действий. Нередко они выходят из-под контроля не только высшего государственного руководства, «политики», но и военного командования всех уровней. Это характерно и для внешних, и для «внутренних» войн.

* * *

И Клаузевиц, и наиболее вдумчивые его последователи много внимания уделили вопросу об обратной связи военной

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же.

стратегии, военных средств реализации политики с самой политикой, на что, к сожалению, в отечественной литературе до сих пор обращалось явно недостаточное внимание.

Военная стратегия имеет право «выставлять свои требования к политике»; это относится прежде всего к вопросу о максимально четком формулировании политических целей применения военной силы. Проистекающие из формулы Клаузевица взаимоотношения между государственным политическим руководством и военным командованием и вооруженными силами в целом — это не просто «отношения между всадником и лошадыю»; *это набор взаимных встречных обязательств, взаимная ответственность друг перед другом при главенствующей роли политики*. Со своей стороны, высшее военное командование обязано полностью информировать руководство о том, соответствуют ли наличные военные средства поставленным политическим целям. Одним из сложнейших вопросов, как показывает опыт многих войн в мировой истории, является постановка задач для военной стратегии на основе сформулированных государственным руководством политических целей.

К тому же политика — как внешняя, так и внутренняя — может оказаться в ряде своих сегментов средством обеспечения войны, обеспечения благоприятных условий для выполнения военно-стратегических задач²⁵. Это обеспечение

²⁵ Здесь можно привести любопытные суждения Е.И. Мартынова, военного историка и теоретика, которому довелось служить в российской императорской армии и в РККА. Он, человек с богатейшей военной и научной биографией, в которой немалую долю составляют и трагические моменты, начал публиковать свои труды еще в конце XIX в. В царской армии Мартынов достиг звания генерал-лейтенанта. Ряд очень важных военно-исторических работ он опубликовал в 1920-е годы, когда служил в РККА. В 1931 г. Мартынов был арестован и заключен в лагерь, но уже летом 1932 г. ему было разрешено вернуться в Москву. Вторично он был арестован в 1937 г. и решением тройки при УНКВД СССР по Московской области приговорен к высшей мере наказания. Постановлением № 5 лс-1764/56 Президиума Московского городского суда от 26 ноября 1956 г. постановление тройки было отменено, и Мартынов был посмертно реабилитирован. См.: *Кавтарадзе А.Г.* Из плеяды известных военных мысли-

телей Отечества // Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 7—12.

Говоря о политическом обеспечении военной стратегии, Е.И. Мартынов справедливо пишет о том, что это в равной мере относится как к внутренней, так и к внешней политике: «От внутренней политики зависит определить общую численность армии и бюджет военного министерства. В конституционных государствах эти нормы устанавливаются путем пререканий между различными политическими партиями и посредством целого ряда компромиссов, в которые приходится вступать правительству. При таких условиях не всегда бывает легко создать вооруженную силу, нужную для выполнения известной политической задачи». Как замечает Мартынов, «это пришлось испытать Бисмарку в первые годы его деятельности» (*Мартынов Е.И. Политика и стратегия. С. 46*).

Далее автор пишет, что «в государствах абсолютных вопрос о численности армии и о бюджете военного министерства разрешается без всякого вредного шума, и потому военная система их может получить несравненно более широкое развитие». При этом Мартынов обоснованно отмечает, что «здесь легко погрешить в обратную сторону» (Там же. С. 47).

Мартынов убедительно иллюстрирует эти тезисы одним из наиболее ярких примеров из российской истории: «Так, в эпоху императора Николая I, как известно, все внимание почти целиком было обращено на армию: перед ее интересами отходили на задний план другие нужды государства. И действительно, русская армия пятидесятых годов считалась образцовой в Европе, и только немногие дальновидные люди сомневались в военном могуществе России. Когда в сентябре 1854 года союзники высадили в Крыму около 60 тысяч человек, Россия располагала колоссальной по тому времени армией в 1335 тысяч, но эти силы отчасти охраняли границы, отчасти же были разбросаны внутри страны, и мы не успели их своевременно сосредоточить к угрожаемому пункту — главным образом вследствие отсутствия хороших путей сообщения. Вооружение наших войск значительно отстало от европейского — вследствие слабого развития у нас техники» (Там же. С. 48).

В своей оценке российских Вооруженных сил он идет дальше оценок, касающихся недостатков в развитии коммуникаций и технической оснащенности нашей армии: «Начальствующий персонал оказался не на высоте современных требований. В армии не было инициативы — вследствие того, что в обществе была подавлена личная самостоятельность. Солдат, сурово воспитанный, действовал автоматически, — что отвечало общему крепостному строю». При этом, как отмечает Мартынов, «в деле снабжения войск господствовало хищение — что объясняется отчасти низким умственным и нравственным уровнем тогдашнего общества, отчасти отсутствием гласности» (Там же).

происходит в рамках того, что можно именовать *высшей стратегией*²⁶.

Мартынов делает вполне обоснованное заключение о том, что «в результате армия, на которую тратились громадные средства, оказалась, несмотря на свое геройство, не в силах выдержать борьбу, и величественное здание военного могущества, с такой заботливостью воздвигнутое императором Николаем I, пошатнулось, потому что не имело под собой прочного основания» (Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 48). Эти выводы отечественного мыслителя и военачальника, к сожалению, не были восприняты ни в его время, ни позднее.

Внешняя политика (он ее отождествляет с дипломатией, что не вполне корректно) должна, считает Мартынов, поставить перед военной стратегией посильную цель: «Дипломатия должна взвесить, чего она может достигнуть в известный исторический момент с имеющимися в ее распоряжении средствами. Ошибка в этом направлении — постановка для войны слишком крупной политической цели — может иметь своим последствием то, что стратегия надорвется в непосильной работе» (Там же. С. 43).

Внешняя политика, обоснованно отмечает данный автор, «должна умело эксплуатировать результаты, добытые стратегией». Далее Мартынов пишет: «При исполнении этой последней своей обязанности политике приходится бороться не столько с неприятелем, сопротивление которого уже сломлено оружием, сколько с вмешательством соседних держав. Как бы успешна ни была война, но, во всяком случае, она временно ослабляет государство». Далее он делает весьма глубокое замечание о том, что «вслед за страшным напряжением всех сил наступает период материального и нравственного изнурения». И «этим периодом временной слабости могут воспользоваться соседние государства и, под предлогом посредничества вмешавшись в мирные переговоры, отнять у победителя плоды его успехов. Много удачных войн было таким образом сведено на нет, не принеся ничего, кроме военного блеска и материальных потерь. Извлечь из успехов, одержанных стратегией, наибольшую пользу составляет венец дипломатического искусства, без которого теряют смысл все подготовительные труды» (Там же. С. 49).

²⁶ В отечественной традиции активно используется понятие *военная политика*. С.Н. Михалев, в частности, пишет, что «в соответствии с определением войны как политического акта выстраивается ряд мероприятий по подготовке и ведению ее. Предпринимаемые государством (орудием политической власти), эти мероприятия составляют содержание *военной политики*». Эти мероприятия включают: «определение целей и задач применения средств вооруженного насилия (вооруженной борьбы), обеспечение безопасности и организацию защиты страны, мобили-

*Высшая стратегия — это категория более высокого и много-
планового уровня, нежели военная стратегия²⁷. Под высшей
стратегией можно подразумевать целенаправленную деятель-*

зацию всех сил ее — материальных ресурсов и духовных возможностей народа — на достижение поставленной политической цели; выбор и приобретение на этом пути союзников и создание военно-политических блоков (коалиций); наконец, усилия по внешнеполитической изоляции противника». Далее автор пишет (со ссылкой на Б.Н. Каневского): «Военная политика — составная часть общей политики государства, понимаемой как совокупная деятельность его учреждений по управлению страной, — находится в неразрывной связи со всеми остальными аспектами, охватывающими сферы экономики, идеологии, культуры; она проникает во все поры жизни общества, оказывая прямое влияние на распределение материальных ресурсов страны, на выбор приоритетов в развитии науки и техники, на уровень жизни населения, на воспитание вступающего в жизнь поколения» (см.: *Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 25). Данное определение военной политики заслуживает внимания, однако в целом, как представляется, оно носит скорее общефилософский, нежели операционный характер.

Несколько иное определение военной политики приводится в «Военном энциклопедическом словаре»: «Военная политика, составная часть общей политики классов, государств, партий и других социально-политических институтов, непосредственно связана с созданием военной организации, подготовкой и применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей. Военная политика государств конкретизируется в их военных доктринах, военной стратегии и в практике военного строительства. Опирается на оценку своих сил и сил вероятных противников, потенциалов, составляющих военную мощь государства, и факторов, решающих ход и исход войны. Важное место в военной политике занимают проблемы создания, укрепления и совершенствования военной организации, технического оснащения Вооруженных сил, определения перспектив развития военной техники, мобилизационных возможностей государства, подготовки военно-обученных резервов, а в случае необходимости — их мобилизационного развертывания» (Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 137).

²⁷ М.В. Фрунзе писал, что «государство должно заранее определить характер общей и, в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии» (*Фрунзе М.В.* Избранные произведения. Т. 2. С. 6).

ность государства во время войны (и в период подготовки к ней) по наиболее эффективному использованию всех компонентов его мощи для достижения победы²⁸. Высшая стратегия включает не только собственно применение военной мощи, вооруженных сил ради победы, но и дипломатию, экономическое принуждение (включая разные формы экономической блокады), разведывательно-диверсионные операции, многоплановое пропагандистско-психологическое воздействие, используемое для обеспечения победы в войне, мобилизацию в необходимых масштабах и формах национальной промышленности и трудовых ресурсов и т.п.²⁹

²⁸ Первые зачатки идеи высшей стратегии можно обнаружить, в частности, в уже упоминавшемся византийском «Стратегиконе Маврикия» — трактате VI в. н.э. В нем автор ведет речь не о «чистых» военных стратегамах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия, в частности, становится одним из орудий достижения успеха. См.: Кучма В.В. Военное искусство // Культура Византии IV — первой половины VII в. / отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 399.

²⁹ В конце 1920-х годов М.Н. Тухачевский начал разработку понятия «полюмостратегия», во многом созвучного по духу понятию «высшая стратегия». Под «полюмостратегией» Тухачевский понимал учение о сущности, методах и способах подготовки к войне, о путях и способах наиболее целесообразного использования всех сил и средств государства для достижения победы. Тухачевский исходил из того, что Верховное главнокомандование, руководящее войной в целом, не может опираться только на классическую военную стратегию, «чистую стратегию» старого типа; отсюда он выводил потребность в новой, высшей стратегии. Идея «полюмостратегии» в СССР, однако, не нашла сколько-нибудь широкой поддержки. Некоторые критики в попытке Тухачевского конструировать «полюмостратегию» усмотрели стремление не столько подчинить военную стратегию политике, сколько «подтянуть» политику к стратегии. См. подробнее: Кокошин А.А. Армия и политика. С. 46.

Примерно в то же самое время в Великобритании на основе непосредственного опыта Первой мировой войны, потребовавшей беспрецедентных по масштабам усилий общества и государства для достижения победы, разрабатывалась концепция «большой стратегии». Позднее (в 1935 г.) категория «большой стратегии» вошла в английский Полевой устав. См.: Ржешевский О.А. Предисловие // Говард М. Большая стратегия / пер. с англ. Ю.А. Неподаева, Б.И. Павлова, Ю.М. Щebenькова; под ред. О.А. Ржешевского. М.: Воениздат, 1980. С. 5.

Особого внимания в современных условиях заслуживают вопросы политико-пропагандистской подготовки войны и ее обеспечения³⁰. Можно сказать, что значение этого фактора возрастает чуть ли не по экспоненте. При этом следует различать несколько объектов такого воздействия: собственные граждане³¹, собственные вооруженные силы, население страны-противника, ее вооруженные силы и другие «силовые структуры», союзные страны, нейтральные страны³². Огромную роль играет заблаговременное завоевание необходимых позиций в международном информационном пространстве.

Особое значение этого фактора отмечалось еще в китайском трактате Сунь-Цзы по военному искусству конца VI — начала V в. до н.э. В этом трактате определяется пять явлений, которые кладутся в основу войны. Первым из них Сунь-Цзы называет «путь»: «Путь — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним жить, когда он не знает страха и сомнения»³³.

³⁰ При вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. не была осуществлена политико-пропагандистская подготовка ни собственного населения, ни мирового общественного мнения. Как обоснованно пишет генерал армии В.И. Варенников, «наше политическое руководство не воспользовалось главным оружием — информацией... Мы... действовали тихой сапой, и это было ошибкой. Против СССР развернули информационную войну, которая обернулась для нас тяжкими последствиями». См.: Варенников В.И. Афганский вопрос останется в истории // Военно-промышленный курьер. 2004. № 5 (22). 11–17 февр. С. 3.

³¹ Можно с большой степенью уверенности считать, что США проиграли в 1960-е годы войну во Вьетнаме в значительной степени из-за того, что на определенном этапе война лишилась поддержки большей части населения в собственной стране, чему в немалой степени способствовали ряд органов американских СМИ, которые освещали эту войну совсем в ином духе, нежели официальные власти.

³² Весьма важным в этом отношении является опыт работы соответствующих структур в СССР в годы Великой Отечественной войны: Совинформбюро, ТАСС, Советского бюро военно-политической пропаганды. См.: Волковский Н.Л. История информационных войн. СПб.: Полигон, 2003. Ч. 2. С. 365–431.

³³ Конрад Н.И. Синология (Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве). М.: Наука, 1977. С. 26.

Очевидно, что в обеспечении политико-пропагандистской подготовки войны и в соответствующем обеспечении собственно боевых действий должны играть важную роль как гражданские, так и военные органы и спецслужбы³⁴. При этом решающее значение имеет подготовка собственного общественного мнения к войне (впрочем, в современных условиях это относится и к любым видам применения военной силы).

Клаузевиц считал, что *действие политических факторов не прекращается с началом боевых действий*. Говоря об особенностях войны, он отмечал: «То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств». Продолжая эту мысль, Клаузевиц подчеркивал, что у военного командования есть свои особые права в отношении политиков и политики. «Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае, — пишет он, — вправе требовать, чтобы направление и намерение политики не вступали в противоречие с военными методами». При этом, отмечает Клаузевиц, «данное требование отнюдь не является незначительным». Однако и оно «не должно ни в коем случае отменять доминирование политики. Сколько бы сильно ни сказывалось влияние этого требования на намерения политики, все же это воздействие следует мыслить только как видоизменяющее их, ибо политическое намерение является целью, война же — только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели»³⁵.

³⁴ Примечательно, что в одном из канонических китайских трактатов по военному искусству и военной науке («Шесть секретных учений Тай Гуна»), в частности, говорится о «двенадцати правилах гражданского наступления» в случае ведения войны. Эти правила включают, например, тайный подкуп помощников правителя страны-противника, лесть, превознесение и восхваление его самого: «Преувеличивай его достоинства; будь первым, кто с почтением возносит его, смиренно провозглашает его совершенно мудрым. Тогда в его государстве будут великие потери!» Тай-Гун также рекомендует поддерживать «его беспутных чиновников».

Что касается разработки собственно военной стратегии, то по древнекитайскому учению она должна осуществляться максимально скрытно и наиболее умными военными профессионалами («скрытно собери мудрых воинов и доверь им составление великой стратегии»). См.: У-Цзин. Семь военных канонов древнего Китая / пер. с англ. СПб.: Евразия, 1998. С. 55–56.

³⁵ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 55–56.

Клаузевиц прогнозирует, что стало бы с войной, если бы, «бросив политику и совершенно от нее освободившись, война устремилась бы своим независимым путем». В таком случае война стала бы «взорванной миной», она «распространила бы разрушение соответственно своему начальному устройству, не подчиняясь никаким последующим влияниям».

Словно опасаясь быть непонятым, этот выдающийся немецкий теоретик раз за разом, вновь и вновь подчеркивал, что ни при каких условиях не должно мыслить «войну как нечто самостоятельное». Клаузевиц, возвращаясь снова и снова к вопросу о господстве политики над войной, словно предчувствовал, что у него найдутся «последователи», которые будут искажать это положение, выдвигать прямо противоположные идеи.

Его опасения, как показала последующая германская история (и не только германская), полностью подтвердились в ходе Первой мировой войны, когда в определенный момент политика стала подчиняться военной стратегии, когда все руководство страной оказалось в руках генерального штаба во главе с Гинденбургом и Людендорфом.

* * *

В истории случается, писал Клаузевиц, что «политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия». К тому же политика, не знакомая с вопросами военной стратегии, оперативного искусства, «может поставить задачи (перед военными. — *А.К.*), не соответствующие ее собственным намерениям»³⁶. Последнее в истории имело место множество раз; в силу этого, осторожно замечает Клаузевиц, «политические вожди не должны быть чужды известному пониманию военного дела»³⁷. Замечание, не вызывающее никакого сомнения в свете нашего нынешнего положения, а также осмысления трагического для России опыта Первой мировой войны, Великой Оте-

³⁶ Там же. Т. 2. С. 380.

³⁷ Там же.

чественной войны, Афганской войны, «первой чеченской кампании» 1990-х годов³⁸.

Что же подразумевать под «известным пониманием военного дела»? Это очень и очень непростая тема для политика, государственного руководителя. Определить объем знаний, которыми должен обладать ответственный политик в военной сфере, — одна из важнейших задач для специалистов в области государственного управления и в области военной стратегии³⁹.

Сегодня границы этого «поля» (как, впрочем, и любой другой сферы общественной деятельности) расширились по сравнению со временем Клаузевица до невообразимых размеров. Принятие решений в области обороны, в сфере военной стратегии, как отмечалось, уже давно не просто отдача приказов на применение вооруженных сил в той или иной форме или в тех или иных масштабах. Это и принятие решений по конкретным военно-экономическим и военно-техническим вопросам, тре-

³⁸ Государственные руководители (и их аппарат) обязаны не только быть сведущими в том, какими военными средствами может быть достигнут тот или иной военно-стратегический результат, но и иметь представление об основных компонентах механизма выработки и принятия военно-стратегических решений и механизма их реализации — в духе того, что Клаузевиц называл «трением войны».

³⁹ Среди государственных и политических руководителей XX в., систематически работавших над военными вопросами, над проблемами войны как продолжения политики иными средствами, можно отметить китайского лидера Мао Цзэдуна, теоретическое наследие которого в этой сфере остается важным элементом подготовки как гражданских государственных руководителей, связанных с обеспечением обороноспособности Китая, так и военного командования Народно-освободительной армии КНР. Анализ теоретических работ Мао Цзэдуна, его цикла лекций по политико-военной тематике говорит о том, что он в своих разработках опирался и на китайскую традицию (восходящую, как считают ряд исследователей, едва ли не ко II тысячелетию до н.э.), и на европейскую мысль XIX и XX вв. В его трудах можно увидеть прямые ссылки и на Сунь-Цзы, и на Клаузевица. Мао, в частности, писал, что «войну нельзя ни на минуту отделять от политики... Но война имеет и свою специфику. Это значит, что война не равнозначна политике вообще» (*Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения* / пер. с кит. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 264).

бующим весьма и весьма специальных знаний, опоры на серьезные научные разработки. Особую важность представляют решения, касающиеся ядерного оружия — не только относительно его применения, но и по вопросам уровней готовности ядерных сил и средств к применению, по открытию или прекращению той или иной программы, связанной с ядерным оружием и т.п.⁴⁰

Во многих случаях принятие таких решений на основе «здравого смысла», исходя просто из текущей ситуации, не только затруднительно, но и чревато пагубными последствиями.

Нельзя забывать и о том, что те или иные должностные лица, предлагающие свои решения, зачастую имеют в виду групповые или личные цели, скрытые за внешне убедительной аргументацией в виде таблиц, графиков, видеоматериалов и т.п., а эти интересы могут идти вразрез с национальными интересами.

При этом государственное руководство должно представлять себе специфику управления в военной сфере, имеющую немаловажные отличия от общегосударственного гражданского управления. Жизненный опыт, менталитет, образ действий профессионального военного значительно отличаются от тех, что характерны для гражданских государственных и политических руководителей.

Служба в вооруженных силах налагает на человека большое число ограничений; особые требования к нему предполагают готовность пожертвовать своей жизнью и посылать на смерть других людей. Непонимание этого может привести к весьма негативным явлениям в таком серьезнейшем деле, как война.

⁴⁰ Для России исключительно актуальным остается вопрос о системной и целенаправленной подготовке гражданских специалистов в политико-военной сфере и о дополнительном образовании для командного состава Вооруженных сил в области политологии, экономики и социологии. При этом должны существовать несколько форумов, институтов, где бы профессиональные военные общались с гражданскими политологами и политическими деятелями, сотрудниками госаппарата, совместно работали бы как над исследованиями, так и над соответствующими государственными документами. Такого рода опыт в нашей стране имеется, однако он нуждается в значительном расширении и в более углубленном взаимодействии политической и военно-стратегической составляющих в важнейшем деле обеспечения обороноспособности страны.

В упомянутом выше военно-теоретическом трактате Сунь-Цзы приводится следующее размышление: «...армия страдает от своего государя в трех случаях:

Когда он, не зная, что армия не должна выступать, приказывает ей выступать; когда он, не зная, что армия не должна отступить, приказывает ей отступить: это означает, что он связывает армию.

Когда он, не зная, что такое армия, распространяет на управление ею те же самые начала, которыми управляется государство; тогда командиры и армия приходят в растерянность.

Когда он, не зная, что такое тактика армии, руководствуется при назначении полководца теми же началами, что и в государстве; тогда командиры в армии приходят в смятение»⁴¹.

Чтобы углубиться в понимание формулы Клаузевица, следует обратить внимание на следующее его замечание: «...война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»⁴².

Клаузевиц настоятельно рекомендует различать «войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, при которых они зарождаются»⁴³.

Это требование, следует сразу же признать, является одним из трудновыполнимых как в исследовательской, так и (в еще большей степени) в практической работе⁴⁴. Подавляющее

⁴¹ Цит. по: Конрад Н.И. Указ. соч. С. 22.

⁴² Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 54.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Советские военные ученые в 1980-е годы, опираясь на работы В.И. Ленина, приходили к выводам о нескольких видах взаимосвязи между политикой и вооруженной борьбой. Речь идет, во-первых, о причинно-следственной связи между войной и политикой. Войны начинаются тогда, когда политика в той или иной форме требует военного конфликта, а противодействующие политические силы не могут его предотвратить. Во-вторых, отмечается сущностная связь, т.е. определение социального характера, исторического смысла войны в зависимости от политики.

большинство отечественных и зарубежных исследований по военной истории страдают недостаточной проработкой именно такого рода вопросов. Выявление «мотивов» войны (часто весьма идеологизированных), поставленных политических целей является гораздо более трудной задачей, нежели анализ собственно хода военных действий, вовлеченных в них сил и средств и т.п.⁴⁵

Именно «мотивы» прежде всего во все большей степени определяют масштаб войны, характер используемых средств, оперативные формы применения вооруженных сил в современных условиях и тактику боевых действий. Связано это с тем, что в условиях «уплотнения» всей системы международных отношений, существования глобальных СМИ, освещающих войны и вооруженные конфликты почти в реальном масштабе времени, действия, традиционно считавшиеся сугубо тактическими, могут моментально превратиться в событие высшего военного и политического уровня.

При рассмотрении вопроса о взаимоотношениях между политикой и войной (политикой и военной стратегией) подавляющим большинством авторов не оценивается воздействие

В-третьих, имеется в виду «управленческая» связь: политика руководит как самой войной, так и всей жизнью страны, мобилизуя все силы на достижение победы. Характер политической цели имеет решающее значение для ведения войны. Центральным звеном здесь является определяющая роль политического руководства по отношению к военной стратегии: именно об этом идет речь в данной работе. Но считаю, что и два других вида связи между политикой и военной стратегией нуждаются в дальнейшем рассмотрении, в серьезных конкретно-исторических и теоретических разработках.

⁴⁵ Авторы фундаментального отечественного труда «Мировые войны XX века» обоснованно отмечают, что между историками все еще идет острая полемика относительно мотивов и политических целей основных участников Первой мировой войны, несмотря на все обилие исследований по этой теме, огромный объем доступных архивных материалов, мемуаров. Исключительно интересен при этом анализ иррациональных мотивов развязывания войны со стороны элиты Австро-Венгерской империи. См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 8–18, 21–32, 33–44.

на них *идеологии*. Применительно к нашей стране это во многом объясняется тем, что, как правило, в теоретических исследованиях по вопросам войны и мира между идеологией и политикой практически не делалось различия. И политика и военная стратегия всегда находятся под заметным (а иногда и сильнейшим) воздействием идеологии — это было, в частности, характерно для Советского Союза, особенно для периода 1920—1960-х годов.

На политику и военную стратегию, а через последнюю — и на оперативное искусство (оператику) и даже тактику оказывают влияние как формализованная идеология, зафиксированная в определенных «догматах веры» (прежде всего в программах и уставных документах партии в государствах с де-факто или де-юре однопартийной системой), так и неформализованная. (Часто полуосознанная «политическим классом» и тем более обществом в целом, эта, вторая, тем не менее существует в массовом сознании, в том числе в виде устойчивых социально-политических стереотипов, мифов и даже социально-политических инстинктов.)

Политика более подвижна, менее инерционна, чем идеология. Она более адаптивна к обстоятельствам. Она в принципе должна быть более рациональной, прагматичной, нежели идеология. Последняя в общественном сознании встречается преимущественно с формируемыми поколениями слабо структурированными, полуинтуитивными представлениями об окружающем мире и о самих себе.

Вмешательство идеологии в военную стратегию может осуществляться напрямую, минуя политику (и вопреки политике). Так, идеологические постулаты ВКП(б) накануне Великой Отечественной войны привели к таким уставным положениям для Красной Армии, которые допускали исключительно наступательную военную стратегию (оборона мыслилась только в оперативном и тактическом масштабах), что на практике можно было реализовать лишь в упреждающих, превентивных действиях. А требования политики не позволяли И.В. Сталину начинать превентивную войну против Германии.

«Раздрай» между идеологией и политикой, выразившийся в идеологизированности военной стратегии, привел к тому, что

даже концептуально вооруженные силы, высшее военное командование, государственное (партийное) руководство СССР накануне 22 июня 1941 г. не были толком готовы ни к стратегическим наступательным действиям (превентивная война), ни к долговременной или даже к кратковременной стратегической обороне⁴⁶.

Сталин, несмотря на следовавшие одно за другим тяжелейшие поражения Красной Армии в результате попыток стратегических наступательных действий в 1941 — начале 1943 г., перешел к стратегической обороне только летом 1943 г., когда и был достигнут (в ходе Курской битвы) такой успех, который привел к перехвату стратегической инициативы Красной Армией.

Чтобы оттенить значение главенства политики в таком феномене общественной жизни, как война, Клаузевиц весьма подробно останавливается на вопросе о всем спектре военных средств, которые могут быть использованы для достижения поставленных политических целей. Он подчеркивает, что не в каждом конкретном случае есть потребность в полном сокрушении противника в сугубо военном плане. Главная задача

⁴⁶ История учит, что политически и идеологически государственно-му руководству и высшему военному командованию исключительно сложно принять решение об избрании обороны в качестве основной формы стратегических действий. Петр I начал Северную войну стратегическими наступательными действиями, вторжением на территорию, захваченную шведами в предыдущих войнах с Россией, и осадой Нарвы. Только после тяжелейшего нарвского поражения от Карла XII (имевшего сравнительно малочисленную, но исключительно боеспособную армию при господстве шведского флота на море) Петр перешел к стратегической обороне, в том числе в кампании 1709 г., закончившейся сокрушительным поражением шведского короля-полководца (блестящего тактика, но слабого стратега), которым на протяжении многих лет восхищалась вся Европа.

Исключительно тяжелым было принятие решения о стратегической обороне для Александра I в Отечественной войне 1812 г., несмотря на детальное и очень убедительное обоснование необходимости стратегической обороны, представленное военным министром М.Б. Барклаем-де-Толли. М.И. Кутузов, приняв командование, продолжал линию на стратегическую оборону (и стратегическое отступление вглубь страны), всячески имитировал готовность к переходу в контрнаступление, к решающему сражению, демонстрируя войскам и общественному мнению то, что он полководец совсем иного толка, нежели Барклай-де-Толли.

применения военных средств — это «преодоление воли противника»⁴⁷. Оно может быть достигнуто, наряду с истреблением неприятельских вооруженных сил, завоеванием провинций противника, временной их оккупацией с целью использования их средств и даже «пассивным выжиданием ударов врагов». Клаузевиц упоминает в числе этих средств и «предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения»⁴⁸.

На эту сторону учения Клаузевица о войне до сих пор подавляющее большинство специалистов обращали мало внимания, поскольку это в целом плохо вписывалось в традицию западной военной мысли, сложившейся за последние 300–350 лет⁴⁹.

Клаузевиц скромно писал о различных способах «преодоления воли противника» как о всего лишь своего рода наброске («намек», по его выражению) того, что можно рассматривать как военные средства достижения политических целей. Он не стремился дать классификацию этих способов и методов; такая попытка, по его замечанию, была бы «педантизмом»⁵⁰ — тем, чем грешили многие современники Клаузевица и те, кто пытался конструировать теорию войны после него. К «педантам» вполне можно отнести, в частности, таких известных военных теоретиков XIX в., как Г.В. Жомини и Г.А. Леер, да и многих современных авторов.

* * *

Много говоря о политической стороне войны и отдавая должное другим формам применения военной силы, Клаузевиц, однако, постоянно возвращался к тезису о том, что сердцевинной войны является бой, «конструкция» которого относится к тактике. «Бой есть подлинная военная деятельность, все осталь-

⁴⁷ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 66.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Между тем в восточной традиции, особенно в китайской, идеи, созвучные теории Клаузевица, присутствовали в ярко выраженной форме еще примерно 2500 лет назад.

⁵⁰ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 66.

ное — лишь ее проводники»⁵¹. Результатом боя (или серии боев) должно быть уничтожение вооруженных сил противника.

Клаузевиц при этом трактует уничтожение вооруженных сил противника как приведение их *«в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу»*⁵². И это у него отнюдь не означало просто перемалывание живой силы противника; наоборот, главная задача — сломить волю противника к сопротивлению, т.е. вынудить противника и его союзников подписать мир или привести народ к покорности⁵³.

О центральном значении боя следует постоянно помнить, занимаясь вопросами стратегического руководства⁵⁴. Однако

⁵¹ Там же. С. 251.

⁵² Идея Клаузевица о том, что уничтожение вооруженных сил противника есть прежде всего подавление его воли к сопротивлению, пронизывает всю немецкую военную мысль XIX и XX вв. — от стратегического до тактического уровня. Она лежит, например, в основе зародившейся еще в конце Первой мировой войны тактики штурмовых групп пехоты с активным использованием легкого автоматического оружия (сначала ручного пулемета, затем пистолет-пулемета), призванного прежде всего производить сильнейшее психологическое воздействие на обороняющихся непрерывным огнем с невысоким уровнем прицельности.

На подавление воли к сопротивлению были рассчитаны тактика, оперативное искусство и стратегия применения германских танковых соединений во Вторую мировую войну. Они были ориентированы прежде всего на глубокие прорывы в оперативный тыл группировок противника, чтобы главным образом воздействовать на психику командующих, командиров и бойцов, создать в их сознании угрозу быть отсеченными от соседей и от глубокого тыла, заставить испытать страх оказаться окруженными и уничтоженными. Танковые соединения вермахта с минимальным числом пехоты действовали при этом на большом удалении от основных сил, от общевойсковых соединений и объединений. Они вводились в действие на стыках соединений противника, там, где не ожидалось сколько-нибудь серьезного сопротивления, где не было задач «прогрызания» или «взламывания» обороны, решение которых было чревато большими потерями в бронетанковой технике. А для этого больше всего подходили легкие (и отчасти средние) танки с небольшим потреблением горючего, что облегчало действия танковых соединений и частей на большом удалении от тыла.

⁵³ См.: Клаузевиц К. О войне. Т. 2. С. 58–59.

⁵⁴ В этой части учения о войне Клаузевица как виднейшего представителя европейской военной мысли мы видим заметный контраст с

это обстоятельство не должно заслонять собой возможности использовать для достижения победы другие средства — как военные, так и невоенные.

Применительно к роли собственно вооруженных сил внимание и государственного руководителя, и военного командования должно быть сфокусировано в конечном счете на тех, кого называют «исполнительным звеном» военного механизма — на рядовом бойце, командире отделения, командире взвода, командире роты (батареи), командире батальона (дивизиона). Создание всех необходимых условий для успеха этой части личного состава вооруженных сил должно быть одной из наиболее приоритетных задач. Политические цели и задачи в войне (и в применении военной силы для сдерживания войны) реализуются в итоге именно этими людьми. Поэтому необходима максимальная забота об индивидуальной экипировке и защищенности бойца, о связи в тактическом звене, социаль-

китайской традицией военной мысли, восходящей к такой доминантной фигуре, как уже упоминавшийся полководец и теоретик Сунь-Цзы, творивший в эпоху Чжаньго — «сражающихся царств». Учение о бое у Сунь-Цзы, а равно и у многих других китайских военных теоретиков, не занимает центрального места, как у Клаузевица и его европейских предшественников и последователей, в том числе немецких, французских, советских и российских авторов.

В эпоху Чжаньго военное дело перестало быть уделом немногочисленных профессионалов — аристократов, сражавшихся на боевых колесницах. На смену пришли массовые армии (преимущественно пехотные), комплектуемые из крестьян практически по принципу всеобщей воинской повинности. Новое ударное оружие (арбалет), плотные боевые порядки привели к резкому росту боевых потерь. Войны стали захватывать значительно большее пространство, требовать все больше ресурсов для ведения боевых действий, все более сложной и громоздкой системы снабжения. В целом они стали чрезвычайно разорительным делом. Лицам, принимавшим решение о вступлении в войну и о сражениях в войне, приходилось даже сопоставлять «выгоду» от победы с ущербом. Тогда стало доминировать мнение о том, что бой, сражение является едва ли не наименее эффективным способом применения военной силы ради достижения поставленных политических целей.

Такого рода идеи (о чем еще будет говориться ниже) дошли в восточной военной (и политико-военной) мысли до XXI в.

ной обеспеченности прежде всего этой категории военнотружущих, об их адекватном поощрении за реальные боевые заслуги. К ним должно быть обращено внимание СМИ.

Говоря о военной стратегии⁵⁵, Клаузевиц (стоит сказать, что его мнение было не единственным) в своем главном труде «О войне» писал, что она «не знает никакой другой деятельности, кроме распоряжения боями и относящихся к ним мероприятий»⁵⁶. По Клаузевицу, «каждое стратегическое действие может быть сведено к представлению о бое, так как оно является применением вооруженной силы, а в основе последней всегда лежит идея боя. Таким образом, мы можем в области стратегии свести всю военную деятельность к единствам отдельных боев и иметь дело лишь с целями этих последних»⁵⁷. Ряд отечественных и зарубежных авторов небезосновательно отмечали, что такая трактовка Клаузевицем военной стратегии расходится с его учением о войне.

Как обоснованно пишет, например, И.С. Даниленко, «фундаментальные положения Клаузевица о природе и свойствах войны как общественного явления серьезно разошлись с его прикладными выводами для стратегии, с его утверждением решающей роли боя в ее практической реализации. А это уже появление рецептурного, то есть предписываемого подхода к организации подготовки и ведения войны, что означало введение в военную науку принципа, который Клаузевиц отрицал»⁵⁸.

Далее Даниленко отмечает: «По смерти Клаузевица нашли в его бумагах собственноручное замечание, в котором поясняется, что он под словом *бой* разумел не только непосредственное действие оружием, но и *те* случаи, где бой хотя и не происходил в действительности, но был возможным, или *те* даже, где один из противников, ослабленный какими бы то ни

⁵⁵ Когда творил Клаузевиц, такой категории, как оперативное искусство (оператика), операция, еще не было, хотя Клаузевиц уже близко подошел к этой категории де-факто.

⁵⁶ Клаузевиц К. О войне. Т. I. С. 223.

⁵⁷ Там же. С. 254.

⁵⁸ Даниленко И. Указ. соч. С. 14.

было средствами, — видя невозможность успеха, — избегает сражения»⁵⁹.

Одним из центральных моментов учения Клаузевица о войне является представление о *решающем сражении*, которое должно сломить волю противника к сопротивлению.

Позднее в военно-морской сфере аналогичным образом ставился вопрос американским теоретиком А.Т. Мэхэном и английским теоретиком Ф. Коломбом, детально разработавшими к концу XIX в. теорию «господства на море». В ней идея решающего эскадренного сражения линейных флотов была главенствующей. Эта теория полностью использована японцами (прилежными учениками англичан) в Русско-японскую войну 1904—1905 гг., когда адмирал Того, разгромив 2-ю Тихоокеанскую эскадру вице-адмирала Рожественского, установил господство на море применительно ко всей зоне боевых действий. В годы Второй мировой войны на эту же теорию опирались государственное руководство США (в лице прежде всего самого президента Ф.Д. Рузвельта, занимавшего в свое время пост заместителя военно-морского министра США) и американское высшее военное командование в серии морских сражений на Тихом океане (тогда линейные корабли уступили главенствующую роль авианосцам), завоевав господство на море, сохраняемое США и по сей день.

Наряду с этим в британской военно-морской науке существовала и теория «флота в действии» (*fleet in being*). В соответствии с ней флот должен демонстрировать свою мощь на морях постоянной готовностью действовать. Сама по себе морская мощь, без боевых действий, должна стать сковывающим фактором для противника⁶⁰. По этой теории, демонстрация явно

⁵⁹ Даниленко И. Указ. соч. С. 14.

⁶⁰ Морская мощь отнюдь не сводится лишь к собственно мощному военно-морскому флоту, к мощным военно-морским эскадрам. Одними из ее важнейших составляющих являются развитая судостроительная промышленность с соответствующей научной базой и система базирования флота с адекватной судоремонтной базой. Государственное руководство Великобритании — «владычицы морей» в XIX — начале XX в. — славилось особым искусством выбора места для мощных военно-морских

преобладающей военно-морской мощи призвана при определенных условиях принудить противника к тем или иным политическим уступкам и без боевых действий. Данная теория была созвучна идеям Сунь-Цзы, который оказал и оказывает большое влияние на военную мысль Китая, Востока в целом, а в последние десятилетия и Запада.

Размышляя о стратегии, Клаузевиц решительно восстает против того, чтобы ее отождествляли с хитростью, поскольку стратегия «не включает, подобно обыденной жизни, отрасли деятельности, выражающейся словами, т.е. заверениями, объяснениями и пр.». В связи с этим он очень скептически относится к дезинформации противника: «Планы и приказы, отдаваемые только для вида, ложные сведения, умышленно сообщаемые противнику, слабо действуют... ими пользуются лишь в редких особо благоприятных случаях»⁶¹.

баз в стратегически важных районах, с опорой на которые британский флот мог контролировать все важнейшие торговые пути в мире. Это были Гибралтар, Мальта, Суэц, Аден, Сингапур и др. Частью морской мощи государства являются также торговый и рыболовецкий флоты, которые, например, почти полностью отсутствовали у царской России и были созданы в Советском Союзе после Великой Отечественной войны. Все более важным компонентом морской мощи становятся знания по гидрографии, гидрологии и метеорологии отдельных районов Мирового океана. Для России особо ценны уникальные знания и данные такого рода, полученные в результате исследований Севера и являющиеся одним из важнейших преимуществ нашей страны. Это преимущество, в частности, учтено в выдвинутой мною концепции Северного стратегического бастиона для ВМФ России и создания специального межвидового объединения и командования, ядром которого должны быть военно-морские силы.

⁶¹ В современных условиях ряд авторов, размышляя о различных вариантах стратегии, о конкретном наборе действий, комбинаций, свойственных той или иной стратегии (военной, политической или стратегии частной корпорации), используют понятие «стратагема». Это понятие возникло, по-видимому, за несколько столетий до нашей эры в Греции, но получило распространение в I в. н.э. в Римской империи. Секст Юлий Фронтин (умер около 103 г. н.э.) объяснял своим читателям значение этого греческого слова как «ловкость, применяемая полководцами, которая греками именуется одним названием стратагем». Иначе говоря, под термином «стратагемы» древние понимали не только хитрости в современ-

Практика войн в новейшей истории, особенно Второй мировой войны, показала, что дезинформация и накануне войны, и в ходе ее стала играть огромную роль, чего Клаузевиц в свое время предвидеть не мог⁶².

Формула Клаузевица о примате политики над военной стратегией неоднократно была предметом ревизии, в первую очередь со стороны видных военачальников. Это имело место и на родине Клаузевица, в Германии, и в других странах, в том числе в нашей стране.

Наиболее рельефную интерпретацию формулы Клаузевица дал в своих работах знаменитый Хельмут Мольтке-старший — с 1858 г. начальник прусского, а в 1871–1888 гг. — германского генштаба.

Признавая в общих чертах положение Клаузевица, Мольтке откровенно заявил, что для него это отнюдь не вдохновляющее положение: «Итак, политика, к сожалению, неотделима от стратегии». Однако сфера вмешательства политики в стратегию, по Мольтке, должна быть ограничена определенными рамками: «политика используется войною для достижения своих целей и имеет решающее влияние на *ее начало и конец* (курсив мой. — А.К.)». Правда, при этом Мольтке признавал за политикой право во время войны «повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом». Делая такое заключение, Х. Мольтке, по-видимому, был далеко не искренен. Достаточно вспомнить его конфликты с Бисмарком по

ном смысле слова, но и различные приемы и уловки, которые использовали военачальники для поддержания морального духа армии или одержания победы (см.: *Нефедкин А.К.* Античная военная теория и «стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы. СПб.: Евразия, 2002. С. 45–46). «Стратегемы», отталкиваясь от их классического содержания (прежде всего по Полиэну, представляющему в своем труде несколько сот примеров «стратегем»), можно считать неотъемлемой частью «асимметричной войны», или «асимметричной стратегии».

⁶² В современных условиях большое значение приобрели виртуальные действия, особенно в ядерной сфере. Это — особая тема, весьма слабо разработанная в отечественной теоретической политико-военной и военно-стратегической науке по сравнению с тем, что имеет место в англосаксонских странах, Франции и Китае.

поводу того, как воспользоваться результатами побед немецкой армии в Австро-прусской войне 1866 г. и во Франко-прусской войне 1870—1871 гг.

По Мольтке, «политика не должна вмешиваться в операции»⁶³. Как подчеркивал генерал-фельдмаршал, для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же — лишь поскольку «они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого». Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставит успех в войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца «это не касается — это исключительно ее дело».

Близкую к этому формулу предлагал уже упоминавшийся видный российский и советский военный теоретик Е.И. Мартынов, который представил ее в заголовке одного из разделов своего труда «Обязанности политики по отношению к стратегии» (впервые увидевшего свет в 1899 г. в Санкт-Петербурге). Формула Мартынова гласит: «Политика должна установить политическую цель войны и затем предоставить стратегии полную свободу действий»⁶⁴.

Далее Мартынов пишет: «Кроме политической цели, изменяющейся в каждом частном случае, война имеет также и свою неизменную военную цель, сводящуюся к тому, чтобы сломить сопротивление противника и заставить его подчиниться нашей воле. Выбор способа действий для достижения этой второй цели (иначе — составление плана войны и приведение его в исполнение) лежит уже на обязанности стратегии, и политика не должна вмешиваться в эту специальную сферу»⁶⁵.

Данный тезис подверг убедительной критике военный историк А.Г. Кавтарадзе. Он обоснованно отмечает, что в ходе войны «политика не может устраняться от тесного взаимодействия» с военной стратегией, отдавая последней все на откуп;

⁶³ Мольтке Г. Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке / пер. с нем. СПб., 1913. С. 14.

⁶⁴ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 43.

⁶⁵ Там же.

более того, «именно в ходе войны влияние политики на стратегию приобретает нередко чрезвычайно важное и даже решающее значение»⁶⁶.

Нельзя не отметить, что в первое советское издание книги Мольтке, вышедшее в 1938 г., главы «Война и мир» и «Война и политика», в которых он развивал свою теорию, включены не были. В предисловии же к этому изданию его теория подверглась резкой критике: «Взгляды Мольтке на войну и на связь между войной и политикой вдохновляли германскую военщину, что сказалось, в частности, на методах работы начальника генерального штаба фон Шлиффена перед империалистической войной». От Мольтке проводилась линия к Э. Людендорфу, а от Людендорфа — к руководителям нацистской Германии: «В дальнейшем взгляды Мольтке получили новое выражение в требовании германской военщины, чтобы вся политика служила войне (*Людендорф Э. Ведение войны и политики. Берлин, 1922*). Отсюда еще шаг к фашистскому истолкованию лозунга тотальной войны, где стержнем и основой политики являются подготовка к ведению грабительской войны за новый передел мира и создание режима жесточайшего террора к народу»⁶⁷.

Ближних к Мольтке-старшему взглядов на соотношение политики и военной стратегии придерживались в период гражданской войны М.Н. Тухачевский и ряд группировавшихся вокруг него командиров Красной Армии.

Двадцатисемилетний Михаил Николаевич Тухачевский, который только что отличился, командуя армиями на Восточном, а затем Южном фронтах, откровенно заявил в январе 1920 г. о своем неприятии вмешательства политики в военную стратегию: «Вмешательство политики в дела стратегии — чрезвычайно большое зло. Для успеха военных операций Главнокомандующему должна быть предоставлена полная мощь. Политика должна ему безусловно доверять». Весьма критически высказывался Тухачевский и в адрес инструментов прямо-

⁶⁶ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 8.

⁶⁷ Фельдмаршал Мольтке. Военные поручения, оперативная подготовка к сражению / пер. с нем. М.: Воениздат, 1938. С. 9.

го и повседневного политического контроля над командующими в виде реввоенсоветов: «Реввоенсоветы — это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя изживают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела»⁶⁸ (позднее аналогичных взглядов на роль военных советов, точнее — политорганов, военных комиссаров, придерживался, судя по многим свидетельствам очевидцев, и Г.К. Жуков).

Публичное высказывание этих взглядов не помешало Тухачевскому, как ни странно, получить в командование Западный фронт и возглавить поход против «панской Польши».

В дальнейшем Тухачевский с подобными откровениями не выступал. Однако есть все основания считать, что они не были забыты и сыграли свою роль при фабрикации «дела Тухачевского», кончившегося физическим уничтожением большой группы высшего командного состава РККА во главе с ним в 1937–1938 гг.

В своем отрицании реввоенсоветов Тухачевский был не одинок: он выражал распространенные в армии настроения. Об этом свидетельствует статья, опубликованная под псевдонимом «Альфа» в ведущем в то время печатном органе «Военное дело», в которой автор, опираясь на свой личный опыт работы в реввоенсовете одной из армий фронта, подверг его деятельность резкой критике. «Альфа» указывал прежде всего на то, как члены реввоенсовета, обладавшие большими полномочиями, своими распоряжениями нередко запутывали работу командующих⁶⁹.

В то же время Тухачевский выступал за единый высший орган по руководству войной для обеспечения оптимального взаимодействия между политикой и стратегией: «Выгоднее всего достигается гармония между политикой и стратегией тогда, когда руководство ими принадлежит одному лицу. У нас роль этого лица должен играть Совет обороны»⁷⁰.

⁶⁸ Тухачевский М.Н. Война классов. Статьи 1919–1920 гг. М.: Госиздат, 1921. С. 36.

⁶⁹ *Альфа*. О работе реввоенсоветов Армии и Фронтов // Военное дело. 1920. № 1. С. 10–12.

⁷⁰ Тухачевский М.Н. Указ. соч. С. 36.

Среди советских авторов 1920—1930-х годов наиболее яркий след в истории изучения вопросов, касающихся соотношения политики и военной стратегии, оставили Б.М. Шапошников и А.А. Свечин.

Б.М. Шапошников весьма критически отзывался о воззрениях Мольтке-старшего, тем самым разойдясь во взглядах и с «ранним Тухачевским». Шапошников однозначно заявил, что Мольтке-старший пошел «на искажение теории Клаузевица»⁷¹. Для Мольтке-старшего, признававшего решающее значение политики на начало и конец войны, это было, по справедливой оценке Шапошникова, «лишь некой уступкой политике»⁷².

По словам Шапошникова, сославшись на авторитет Клаузевица, Мольтке-старший выдвинул на первый план «дух войны» и на этом, по сути, строил свою теорию «независимости» войны и политики. Его позиция служила теоретическим обоснованием для обеспечения независимой роли германского генерального штаба при Мольтке-старшем и в последующие годы, вплоть до Первой мировой войны. Отсюда возникла и идея борьбы генштаба за власть политическую — те все более жесткие требования, которые военная стратегия предъявляла внешней политике, дипломатии⁷³.

Весьма любопытную оценку в связи с этим дает Б.М. Шапошников начальнику генштаба Австро-Венгерской империи периода Первой мировой войны Ф. Конраду фон Хетцендорфу. Конрад в теоретических выступлениях признавал господство политики над стратегией. В практических своих же действиях начальник австро-венгерского генштаба был «апостолом Мольтке-старшего и не только уверенной рукой набрасывал политические линии для высших дипломатов, но давал им и обоснование, исходя из природы войны». Таким образом, «Конрад не отмежевывался от политики, а уходил в нее с головой»⁷⁴.

⁷¹ Шапошников Б.М. Мозг Армии. Кн. 3. М.: Госвоениздат, 1927. С. 229.

⁷² Там же. С. 230.

⁷³ Там же. С. 230—231.

⁷⁴ Там же. С. 232—233.

А.А. Свечин мысль о примате политики над стратегией развил и углубил в своем главном труде — «Стратегия», вышедшем двумя изданиями в 1926 и 1927 гг. Здесь он весьма категорично заявил о праве политики вмешиваться в стратегию, в операции, т.е. по существу его позиция была противоположна позиции «раннего Тухачевского».

Однако прямым объектом своей критики Свечин избрал не самого Тухачевского, а французского теоретика начала XX в. Ж.-Л. Леваля и немцев — Мольтке-старшего, Людендорфа и Гинденбурга, придерживавшихся аналогичных взглядов.

По Левалю, писал А.А. Свечин, войну следует рассматривать изолированно, как гигантскую дуэль двух наций. Правители должны специализироваться в политике, генералы — в стратегии. Политика имеет отношение к войне лишь постольку, поскольку она определяет в мирное время размер жертв, приносимых народом для организации вооруженных сил. Во время войны политика продолжает свою работу, не затрагивая, однако, военных замыслов. Обсуждение вопросов стратегии с политиками, по Левалю, ведет к анемии, утрате воли и энергии. Политика — это опиум для стратегии; она ведет к бессилию. Политика нанизывает заблуждения, ошибки, уклонения, подрывает решимость, сбивает с пути, заставляет нервничать⁷⁵. По Левалю, писал Свечин, нельзя отвлекать полководца вопросами политики от его прямых занятий.

Непосредственное знакомство с творчеством Леваля позволяет говорить о том, что А.А. Свечин чрезмерно жестко оценил отношение этого французского теоретика к вопросам соотношения политики и военной стратегии, обвинив его в попытках эмансипировать последнюю от политики⁷⁶.

⁷⁵ Однако Первая и Вторая мировые и последующие войны породили таких гражданских деятелей, как Ж. Клемансо, У. Черчилль, Ф.Д. Рузвельт, Мао Цзэдун, И.В. Сталин, которые на определенном этапе своей деятельности стали глубоко разбираться в вопросах военной стратегии и даже оперативного искусства, а в некоторых случаях и тактики.

⁷⁶ Леваль писал, отталкиваясь от своих оценок положения дел во Франции после ее поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг.: «Романтизм испортил стратегию. Он совратил ее с твердого пути науки и

В доступных трудах Леваля мы можем увидеть прежде всего стремление оградить военное дело в целом и военную стратегию в частности от малосведущих и малообразованных людей. При этом он, будучи профессиональным военным, весьма нелицеприятно отзывается и о тех высокопоставленных военных, которые игнорируют профессиональные военные знания.

Взглядам этой группы военных теоретиков, ограничивавших вмешательство политики в военную стратегию, А.А. Свечин противопоставляет воззрения Бисмарка, отстаивавшего право политики на вмешательство в стратегию. «Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер... Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики», — писал в 1927 г. А.А. Свечин. «Политическое безголовье» Германии в начале XX в., по небезосновательному мнению Свечина, отчасти характеризовалось «эмансипацией германской стратегии от политических директив»⁷⁷.

Подчеркивая *примат политики над военной стратегией*, право высшего государственного руководства вмешиваться в решение оперативно-стратегических вопросов, А.А. Свечин неоднократно повторял, что и *политические решения должны соотноситься со стратегией*, с военными возможностями, что политик должен внимательнейшим образом прислушиваться к мнению военных профессионалов, знать, как работает военная машина, каков военно-мобилизационный механизм государства и проч.

превратил в некое фантастическое, парадоксальное и неопределенное искусство, базирующееся на зыбкой почве, в какую-то улицу, на которой каждый, как ему заблагорассудится, может чертить любые вензеля» (Леваль Ж.-Л. Введение к позитивной части стратегии // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 148, 160).

⁷⁷ Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 30–31.

«Ответственные политические деятели, — писал Свечин, — должны быть знакомы со стратегией... Политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств»⁷⁸.

Свечин также настаивал на том, что изучение стратегии требуется не только высшему командному составу армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операцией, должен отдавать себе ясный отчет в основных пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Стратегия, писал он, это искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если «у него не будет ясного стратегического мышления».

Свечин также отмечал, что во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор в условиях оперативной альтернативы, «оператор» не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а «должен подняться в стратегический этаж мышления».

Развивая эту мысль Свечина, вполне допустимо говорить: военный стратег должен постоянно думать о том, что то или иное стратегическое действие может значить для политики⁷⁹.

⁷⁸ Там же. С. 20.

⁷⁹ А.А. Свечин писал о военной стратегии прежде всего как об искусстве, определяя ее следующим образом:

«Стратегия — это искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил».

К сожалению, знание высшим командным составом реальных проблем внешней и внутренней политики своего государства далеко не всегда соответствует такого рода требованиям.

Углубляясь в анализ институционных аспектов взаимоотношений между политикой и стратегией, Свечин обращал особое внимание на роль генеральных штабов, которые внесли «в подготовку к войне тот дух планомерного распорядка, который

Говоря о взаимосвязи военной стратегии и оперативного искусства, Свечин отмечал, что «стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству». По его словам, «характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности». При этом, заключает Свечин, «стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда является необходимость для стратегии диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею».

Свечин был категорически против «стратегии» отдельных видов вооруженных сил и частных стратегий для тех или иных типов войн: «Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия колониальной войны и т.д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем говорить лишь о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками; ввиду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одним, хотя бы и довольно существенным, слагаемым общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как и разведочные и боевые действия воздушного флота, рассматривать только как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится — это явное злоупотребление термином. Точно так же не может быть и стратегии колониальной войны — речь может идти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником в обстановке колониального театра войны» (Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 245—248).

составляет завоевание буржуазного мышления». По его словам, «в эпоху империализма... генеральный штаб должен оценивать всю мировую жизнь под особым углом зрения — плана войны». Если же «равновесие между генеральным штабом и политическим руководством нарушится, появляется угроза миру. Генеральный штаб со своей точки зрения всегда будет склонен к идее превентивной войны... к объявлению войны в тот момент, когда мы имеем максимальные преимущества в подготовке перед конкурирующим с нами государством, преимущества, которые вследствие энергичной его работы могут в ближайшие годы сойти на нет или даже измениться в обратную сторону (перевооружение, военная реформа и т.д.)»⁸⁰. Именно с этих позиций выступал германский генеральный штаб в 1914 г., требуя немедленного начала войны против Антанты тогда, когда Россия еще не завершила переоснащение своей армии.

Полемизируя с некоторыми зарубежными и советскими авторами, А.А. Свечин отмечал, что «ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области»⁸¹.

В 1962 г. пользующийся авторитетом среди профессионалов советский военный теоретик полковник В.М. Кулиш критиковал чрезмерное увлечение идеей полного примата политики над военной стратегией. Внешне его публикация целиком соответствовала духу развенчания и критики культа личности Сталина в соответствии с партийными установками того времени. В то же время в ней содержались прозрачные намеки, адресованные политическому руководству 1960-х годов, относительно того, что оно не должно игнорировать требования военной стратегии и что военная стратегия, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на политику.

«И.В. Сталин накануне Великой Отечественной войны, — писал В.М. Кулиш, — весьма односторонне учитывал взаимосвязь

⁸⁰ Свечин А. История военного искусства. Ч. 3. Новейшее время. М.: Высший военный совет, 1923. С. 112.

⁸¹ Там же. С. 19.

политики и военной стратегии. Он и под его влиянием руководители Наркомата обороны недооценивали объективных требований стратегии того времени. Боясь спровоцировать нападение фашистской Германии на нашу страну, они не придали значения опасности упреждения нас противником в подготовке к войне, а тем более в стратегическом развертывании. Вследствие этого наши войска, хотя частично и сосредоточились на театрах военных действий, не были своевременно развернуты и приведены в боевую готовность». Далее Кулиш делал весьма категорический вывод: «Политика предотвращения нападения фашистской Германии на нашу страну, таким образом, не поддерживалась средствами военной стратегии, что скорее поощряло, а не останавливало агрессора»⁸².

Это замечание Кулиша следует признать вполне справедливым применительно к сталинской внешней политике и высшей стратегии того периода. Сталин не смог сформулировать целей для военной стратегии, которые привели бы накануне Великой Отечественной войны к таким действиям, которые в глазах германского политического руководства и высшего военного командования снижали бы шансы на успех в готовившейся войне против Советского Союза.

Критикуя ряд своих коллег (теоретиков-политработников), Кулиш писал, что «иногда... военная стратегия лишается всякой самостоятельности, превращается в слепое орудие политики».

Многие советские военные авторы 1960–1970-х годов, подчеркивая свое негативное отношение к идеям различных «крайних милитаристов», отрицающих примат политики над военной стратегией, упоминали среди них немецких военных теоретиков Бернгарди, Шлиффена, Людендорфа. Так, в «Военной стратегии» отмечалась неправомерность их высказываний о том, что «политика, сделав свое дело в развязывании войны, с началом военных действий становится пассивным наблюдателем».

⁸² Кулиш В. О взаимосвязи политики и военной стратегии // Военная мысль. 1962. № 4. С. 31.

Генералы М.А. Мильштейн и А.К. Слободенко, принадлежавшие к старшему преподавательскому составу Академии Генерального штаба, особенно подробной критике подвергли в связи с этим работу Людендорфа «Тотальная война»⁸³.

Развернутую картину руководящей роли политики по отношению к военной стратегии, характера ее вмешательства в последнюю дал в 1970 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник М. Повалий: «Политика, на основе оценки мировых политических, классовых сил, состояния экономического, военного и морально-политического потенциалов своих и вероятных противников, определяет политическую цель войны, т.е. ее политическое содержание... Она намечает важнейшие промежуточные задачи военных действий, вытекающие из общей цели, порядок вступления в войну, сроки или последовательность ударов, которые необходимо осуществить на различных театрах или в стратегически важных районах земного шара. Политика... определяет состав вооруженных сил, которые необходимо иметь к началу войны и в ходе ее развития, их группировку и задачи с учетом значимости театров военных действий и сил противника».

Очевидно, что этот подход резко контрастирует с идеями Мольтке-старшего, а также «раннего Тухачевского»; его можно считать прямым развитием идей Б.М. Шапошникова и А.А. Свечина.

Что же при этом остается на долю военной стратегии и военного командования? — спрашивает Повалий и отвечает цитатой из книги Б.М. Шапошникова «Мозг армии»: «Что касается стратегии, то она призвана вооруженными силами добиться поставленной ей цели». М. Повалий считает, что стратегическое руководство разрабатывает конкретный план войны против явных и вероятных противников⁸⁴.

⁸³ См.: Мильштейн М.А., Слободенко А.К. О буржуазной военной науке. 2-е изд. М.: Воениздат, 1961. С. 113–118.

⁸⁴ Исключительно сложным для любого генерального штаба (или его аналога) является планирование стратегических действий в условиях

Принципиально важным в работе данного руководящего деятеля советского Генштаба было указание на то, что план войны должен быть гибким и соответствовать различным политическим комбинациям⁸⁵. Заострить внимание на гибкости плана войны, на том, чтобы он соответствовал различным политическим установкам, по тем временам было «свежей идеей» в отечественной военной мысли. В известной мере это можно было считать теоретическим ответом советского Генштаба на американскую доктрину «гибкого реагирования», сменившую доктрину «массированного возмездия».

Если смотреть с практической точки зрения, то нельзя не отметить, что подготовка «гибкого плана войны» в зависимости от тех или иных политических установок и ситуаций — это гораздо более трудоемкая и интеллектуально намного более

отсутствия четко определенных противника и союзника. С такой проблемой столкнулись органы высшего военного командования многих государств в 1990-е годы, после завершения «холодной войны», распада Советского Союза и Организации Варшавского договора. Это относится и к Российской Федерации, и к Соединенным Штатам Америки, и ко всем западноевропейским государствам.

Во французской высшей и военной стратегии с конца 1960-х годов благодаря Шарлю де Голлю присутствовал тезис «обороны по всем азимутам», который до определенных пределов может служить сегодня обозначением и оборонной политики России.

Как подчеркивалось авторами «Обзора ядерной политики» Министерства обороны США, подготовленного в январе 2002 г., сегодня США сталкиваются с «многочисленными потенциальными оппонентами», но «мы не уверены, кто конкретно будет противником». При этом отмечалось, что «у нас новые отношения с Россией, которые ведут к еще более позитивному курсу, значительно более позитивному курсу»; доминирует «идея прекратить строить отношения с Россией, основывающиеся на взаимном гарантированном уничтожении» (см.: *Crouch J.D.*, ASDISP. Special Briefing on the Nuclear Posture Review. Wednesday Jan. 9, 2002. URL: <http://www.defenselink.mil/news/Jan.2002/t01092002.t0109.npr.html>).

Как показали промежуточные выборы в Конгресс США в ноябре 2002 г., это оказалось удачным ходом со стороны администрации Дж. Буша-мл. и руководства республиканской партии, завоевавшей большинство в обеих палатах Конгресса США.

⁸⁵ Повалий М. Политика и военная стратегия // Военная мысль. 1970. № 7. С. 10–11.

сложная задача, чем подготовка лишь одного базового варианта, например плана тотальной войны.

Устарела ли формула Клаузевица о примате политики над военной стратегией с появлением ядерного оружия?

В уже упоминавшейся книге советских военных теоретиков и практиков «Военная стратегия» подвергается резкой критике следующее высказывание по поводу формулы Клаузевица английского маршала авиации Кингстона-Макклори, содержащееся в его работе, опубликованной в СССР в русском переводе: «Но возьмите его знаменитое заявление о том, что война есть продолжение политики иными средствами (насильственными средствами), и рассмотрите его в свете современных условий. В случае ядерной войны ничто не оказалось бы таким далеким от истины, как это утверждение. Такая война в случае ее развязывания означала бы конец всякой политики и полное взаимное истребление».

Авторы «Военной стратегии» высказываются в связи с этим весьма безапелляционно: «Совершенно очевидно, что подобные взгляды являются следствием метафизического, антинаучного подхода к такому общественному явлению, как война, и порождены идеализацией нового оружия». Далее они пишут: «Известно, что сущность войны как продолжения политики не меняется в зависимости от изменения техники и вооружения». И в духе того времени делается ошеломляющий вывод о назначении взглядов, подобных высказанным Кингстоном-Макклори: они «...понадобились военным идеологам империализма для того, чтобы оправдать свой курс на подготовку новой войны и поставить развитие экономики, науки и техники на службу военной организации»⁸⁶.

Идея о том, что ядерная война является продолжением и орудием политики, откровенно высказывалась в статье советских военных В. Шиляга, М. Попова, Т. Кондраткова, опубликованной в конце 1966 г. В ней говорилось: «Опыт истории, современные войны — контроль политики над ходом войны в Корее и во Вьетнаме, предотвращение ядерной войны во время кризиса в районе Карибского моря — дают определенные основания полагать, что и в случае возникновения мирового ядерно-

⁸⁶ Военная стратегия / под ред. Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. 2-е изд. М.: Воениздат, 1963. С. 24.

го конфликта оружие массового поражения будет находиться под контролем политики и направляться ею». Тут же оговаривалось, что «это не означает, что война обязательно примет какой-то ограниченный характер». Не исключена возможность, писали авторы далее, что политика не допустит или ограничит применение ядерного оружия, прекратит его использование в ходе войны. Объяснялось это таким образом: «...политика — это не только отношения между государствами, но и отношения между классами внутри государств. И если правящие эксплуататорские классы проводят одну политику, то угнетенные классы имеют совершенно иные политические интересы, противостоящие реакционной политике монополистического капитала. Это может сказаться на общем характере и конкретных способах ведения и исходе мировой ядерной войны, если она возникнет»⁸⁷. Данное рассуждение напоминает «революционную романтику» похода на Польшу и классово-политические иллюзии, приведшие к поражению Красной Армии в Польше в 1920 г.⁸⁸ и к ее тяжелейшим потерям в 1939—1940 гг. в советско-финской войне.

⁸⁷ Шиляг В., Попов М., Кондратков Т. Политика и ядерная война // Военная мысль. 1966. № 12. С. 11.

⁸⁸ Тема советско-польской войны 1920 г. еще ждет своего серьезного исследования, в том числе с точки зрения соотношения *идеологии, политики и военной стратегии*. Председатель Реввоенсовета Советской России, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, в частности, писал в своих воспоминаниях: «...на нашей стороне, вместе с первыми крупными успехами, обнаружилась переоценка открывающихся перед нами возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную, революционную войну». Как замечает Троцкий, «принципиально я, разумеется, не мог иметь никаких доводов против этого». Но для него «вопрос сводился к соотношению сил». При этом «неизвестной величиной было настроение польских рабочих и крестьян. Некоторые из польских товарищей, как покойный Ю. Мархлевский, сподвижник Розы Люксембург, оценивали положение очень трезво. Оценка Мархлевского вошла важным элементом в мое стремление как можно скорее выйти из войны», — пишет Троцкий. «Но были и другие голоса. Были горячие надежды на восстание польских рабочих. Во всяком случае у Ленина сложился твердый план довести дело до конца, т.е. вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть». В результате, как пишет Троцкий, «мы прошли мимо собственной победы — к тяжелому поражению» (*Троцкий Л.Д. Моя жизнь*. М.: Вагриус, 2001. С. 444—445).

В то же время нельзя не признать, что советские исследователи конца 1950-х — начала 1960-х годов обратили внимание на радикальное изменение характера военной стратегии в связи с появлением таких новых средств вооруженной борьбы, как ракетно-ядерное оружие.

Возможности стратегии в условиях ракетно-ядерной войны резко возрастают, отмечали генерал армии С.Н. Козлов и его коллеги по Академии Генерального штаба. Они сделали принципиально важный вывод о том, что *стратегия уже не является лишь организатором и комбинатором системы операций.*

«Теперь стратегия обладает возможностью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно. Эта возможность стратегии обеспечивается ракетно-ядерным оружием. Более того, сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических. Это положение должно рассматриваться как одна из главных черт военного искусства в современных условиях»⁸⁹. Как видим, здесь речь идет о новом месте стратегии современной войны, при этом не ставится под сомнение ракетно-ядерная рациональность последней.

В то же время, выступая в закрытых аудиториях, некоторые советские военные теоретики, по свидетельству ряда очевидцев, шли значительно дальше в переоценке традиционных вопросов военного искусства в связи с появлением ракетно-ядерного оружия. Они поднимали вопрос о том, что гигантские жертвы и разрушения, вызываемые применением ракетно-ядерного оружия, вообще выводят его использование за пределы военного искусства⁹⁰. Но эти взгляды тогда еще не получили

⁸⁹ Козлов С.Н., Смирнов М.В., Базь И.С., Сидоров П.А. О советской военной науке. М.: Воениздат, 1964. С. 255.

⁹⁰ За пределы военного искусства уже в 1960-е годы и в СССР и на Западе ряд теоретиков и практиков выводили применение не только ядерного оружия, но и такого средства массового поражения, как биологическое

официального признания, хотя на Западе уже вовсю шли дебаты, причем на высоком политическом и военно-профессиональном уровне, о совершенно иной качественной оценке ядерных арсеналов — прежде всего как сдерживающего фактора от развязывания большой войны и как орудия политического давления на оппонента. По большей части дебаты организовывались неправительственными исследовательскими центрами, главным образом базирующимися в ведущих университетах страны. Такого рода центры практически отсутствовали в то время в СССР⁹¹.

(бактериологическое) оружие. Свою позицию они обоснованно объясняли тем, что последствия применения биологического оружия непредсказуемы, что оно, будучи примененным, полностью выходит из-под контроля применившей его стороны. Эта аргументация оказалась достаточно убедительной, чтобы способствовать заключению в 1972 г. международной Конвенции о запрещении биологического (бактериологического) оружия.

⁹¹ Политико-военные проблемы стали рассматриваться по-новому в конце 1960-х — начале 1970-х годов в институтах Академии наук СССР: прежде всего в Институте США и Канады под руководством академика Г.А. Арбатова и в Институте мировой экономики и международных отношений под руководством академика Н.Н. Иноземцева, а затем академиков А.Н. Яковлева и Е.М. Примакова, в дальнейшем — в Институте Европы под руководством академика В.В. Журкина, в Институте востоковедения и в Институте Дальнего Востока РАН. В эти институты пришли работать высокообразованные и профессиональные отставные и действующие (прикомандированные) военные (Н.А. Ломов, М.А. Мильштейн, В.В. Ларионов, Л.С. Семейко и ряд других). Постепенно сформировалось несколько гражданско-военных коллективов, которые проводили исследования, не утратившие своей значимости и в настоящее время. Из гражданских специалистов по политико-военным проблемам, выросших в таких коллективах, можно отметить Г.А. Трофименко, А.Г. Арбатова, С.М. Рогова, С.Е. Благоволина, А.А. Васильева (ранее авторитетного работника оборонной промышленности), С.К. Ознобищева, А.А. Коновалова, А.Г. Савельева и др.

Рассмотрение политико-военных проблем, их научное исследование скрывалось многими обстоятельствами, в том числе сверхвысоким уровнем секретности всего того, что относилось в нашей стране к военным вопросам. Этот уровень намного превышал тот, который, например, имел место в царской России в конце XIX — начале XX в., в Советском Союзе в 1920-е годы.

Все это весьма пагубно сказывалось на вопросах оптимального построения системы стратегического руководства обороной, на том, как выделялись, распределялись и использовались ресурсы на нужды обороны.

Во второй половине 1960-х и в 1970-е годы не было принесено практически ничего нового в развитие советской военной мысли, в частности в решение вопроса о сущности взаимоотношений между политикой и стратегией.

Ничего нового в этом смысле не добавила и объемная книга министра обороны СССР Маршала Советского Союза А.А. Гречко «Вооруженные Силы Советского государства». В ней лишь подчеркивалось, что «руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами выступает как главный принцип советского военного строительства»⁹².

В последующие годы в советской военной науке был предпринят ряд небезынтересных попыток добавить кое-какие полутона в освещение вечной темы — о взаимоотношениях между политикой и войной, политикой и военной стратегией⁹³.

⁹² Гречко А.А. Вооруженные Силы Советского государства. 2-е изд. М.: Воениздат, 1975. С. 32.

⁹³ В 1980-е годы вопрос об «управленческой» связи между политикой и военной стратегией в рамках прежде всего военной доктрины государства довольно обстоятельно освещался в ряде работ таких известных советских военных деятелей, как Маршал Советского Союза Н.В. Огарков (в 1977—1984 гг. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР) и генерал-полковник М.А. Гареев (заместитель начальника Генерального штаба, отвечавший прежде всего за развитие военной науки).

Н.В. Огарков, отмечая ведущее, определяющее положение, которое занимает социально-политическая сторона военной доктрины, в то же время подчеркивал, что эта составляющая доктрины находится «в тесной диалектической взаимосвязи и взаимозависимости» с военно-технической. По Огаркову, «политические цели войны должны в полной мере соответствовать военному потенциалу государства, боевым возможностям вооруженных сил и применяемым ими способам ведения военных действий, а последние должны надежно обеспечить достижение поставленных целей» (Огарков Н.В. История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985. С. 58—59).

Относительно военно-технической составляющей военной доктрины Н.В. Огарков высказывал мысли, довольно необычные для офи-

Недостаток формулы, которую предложил упомянутый выше Кингстон-Макклори, состоит в следующем: в ней не отмечено, что война с применением ядерного оружия не может быть **рациональным** средством продолжения политики. Ядерная война — вполне реальный результат неверной, «дурной», пользуясь словами А.А. Свечина, политики. Она может оказаться продуктом политики активного, но слабо продуманного использования ядерного оружия в качестве средства шантажа, средства нажима, сопровождающегося непониманием характера эскалации политического конфликта и возможного его перерастания в конфликт военный с различной интенсивностью и глубиной использования сил и средств вооруженной борьбы.

Положение о том, что ядерная война не может быть рациональным средством продолжения политики, применимо прежде всего к советско-американским отношениям периода «холодной войны», особенно начиная с того момента, когда

циальной советской военной традиции после трагических событий конца 1930-х годов, выкосивших подавляющую часть советских военных мыслителей в ходе массовых репрессий командного состава РККА и РККФ. По его суждению, в содержании военно-технической стороны военных доктрин социалистических и капиталистических стран имеются некоторые сходные черты, обусловленные общими тенденциями развития военного дела и вытекающие из достигнутого уровня научно-технического прогресса и использования опыта прошлых войн.

М.А. Гареев в основательном труде, посвященном военно-теоретическому наследию М.В. Фрунзе, подчеркивал, что последний решающую роль отводил политике. При этом социально-политическая сторона военной доктрины, по Фрунзе, базировалась на марксистско-ленинском учении о войне и армии, других общественных науках; ее военно-техническая сторона основывалась на положениях военной науки и военной проблематики других наук. Неверными, по мнению М.А. Гареева, являются утверждения некоторых советских военных авторов о том, что военная доктрина формируется только с помощью военной науки. «Совершенно очевидно, что политическая сторона военной доктрины не может основываться лишь на достижениях военной науки», — отмечал М.А. Гареев, тем самым еще раз подчеркивая примат политики над военной стратегией и военным делом в целом (*Гареев М.А.* М.В. Фрунзе — военный теоретик. М.: Воениздат, 1985. С. 394).

Советский Союз обрел убедительный потенциал нанесения «неприемлемого ущерба» Соединенным Штатам в результате ответных действий.

В подтверждение такой оценки уместно привести высказывание Н.В. Огаркова, сделанное им отнюдь не из конъюнктурных соображений накануне вот-вот готового появиться «нового мышления», а в результате глубоких многолетних размышлений:

Появление в 1945 г. и быстрое совершенствование в последующем ядерного оружия, обладающего невероятной силой поражения, по-новому поставили вопрос о целесообразности войны как средства достижения политической цели (выделено мною. — А.К.). Только окончательно утратив разум, можно пытаться найти такие аргументы и определить такую цель, которые оправдывали бы развязывание мировой ядерной войны и ставили бы тем самым человеческую цивилизацию перед угрозой полного уничтожения. Отсюда следует непреложный вывод о том, что преступно рассматривать термоядерную войну как рациональное и чуть ли не законное средство продолжения политики⁹⁴.

Обращает на себя внимание, что Н.В. Огарков считал возможным развязывание «термоядерной войны» в качестве продолжения политики со стороны иррационально действующих сил. Развивая эту мысль, следует признать, что термоядерная война вполне может оказаться продолжением и порождением жесткой силовой политики, в арсенале средств которой имеется ядерный шантаж. История ядерного века, к сожалению, знает несколько примеров использования ядерного шантажа в качестве инструмента политики как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом. И как правило, это усиливало конфронтацию, чреватую термоядерной войной.

Во второй половине 1980-х годов обсуждение вопроса о соотношении политики и войны получило новый импульс в связи с признанием того, что в ядерной войне победителей

⁹⁴ Огарков Н.В. Указ. соч. С. 88.

быть не может. Это признание вслед за политическим руководством сделало и высшее военное командование СССР⁹⁵.

⁹⁵ М.С. Горбачев, выступая на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» 17 февраля 1987 г., сказал: «...после Хиросимы и Нагасаки мировая война перестала быть продолжением политики другими средствами. В ядерной войне сторгят и сами авторы такой политики» (*Горбачев М.С.* За безъядерный мир, за гуманизм международных отношений. М.: Политиздат, 1987. С. 10).

Этот тезис далеко не всеми в СССР был воспринят тогда однозначно. Он вызвал немало критики, преимущественно кулуарной и завуалированной.

Позицию высшего военного руководства по этому вопросу обобщил министр обороны СССР Д.Т. Язов. По его словам, развязывание ядерной войны агрессивными реакционными кругами «явится прямым результатом той абсурдной, преступной политики, которую проводили эти круги вплоть до начала войны» (*Язов Д.Т.* Верны Отчизне. М.: Воениздат, 1988. С. 289). Однако министр подчеркнул, что «само начало такой войны станет концом всякой политики, потому что это будет всемирная катастрофа, гибель всего человечества... Военно-силовая политика и ее крайнее проявление — война полностью исчерпали себя» (Там же). Фактически Д.Т. Язов говорил в этом вполне официальном издании языком упоминавшегося выше Кингстона-Макклори, заклеянного в свое время авторами книги «Военная стратегия», вышедшей под редакцией В.Д. Соколовского.

Размышляя таким образом, Д.Т. Язов в продолжение советской традиции сослался на мнение высшего политического руководства страны: «Нет такой земной или космической крыши, под которой можно было бы укрыться, разразись ядерная гроза. Эту мысль не раз с предельной ясностью и четкостью излагал М.С. Горбачев. Ею проникнуты важнейшие принципиальные положения документов XXVII съезда КПСС, Программы нашей партии».

Выступления М.С. Горбачева, Д.Т. Язова, ряда других партийных, государственных руководителей и военных деятелей стимулировали дискуссию по этой теме. В частности, был поднят вопрос о правомерности применения к такому гипотетическому явлению, которое принято называть ракетно-ядерной войной, самого понятия «война». Так, сотрудники Института военной истории Министерства обороны СССР, отражая широко распространенные в обществе взгляды, писали о ракетно-ядерной войне: «Если отрешиться от груза инерции и рассматривать ее через призму нового политического мышления, она лишена ряда весьма существенных признаков, характеризующих войну как специфическое социальное явление». Они обратили внимание на то, что «ракетно-ядерная

война» сама по себе «изживается» и в собственно военном отношении, ибо становится невозможным ее «естественный» конечный результат, ради которого, по существу, всегда затевались и велись войны, т.е. победа (Каневский Б.К., Шабардин П.Н. К вопросу о соотношении политики, войны и ракетно-ядерной катастрофы // *Международная жизнь*. 1987. № 10. С. 121). При этом авторы дали слишком расширительное толкование понятия войны по сравнению с тем, который вкладывал в него Клаузевиц. «Наконец, война — это не только вооруженное противоборство. Она подразумевает и другие, обеспечивающие вооруженную борьбу, но относительно самостоятельные “невоенные” формы борьбы: экономическую, дипломатическую, разведывательную, научно-техническую, идеологическую и т.д. В связи с тотальной гибелью людских и материальных ресурсов ракетно-ядерная катастрофа не оставит места для этих форм противоборства» (Там же).

На основании таких рассуждений делается вывод: «Следовательно, формула “война — продолжение политики” настолько деформирована реальностями ядерного века, что, в сущности, в содержательном и функциональном отношении она оказывается непригодной для понимания того, что принято называть ракетно-ядерной войной» (Там же).

Аналогичные мысли высказывали и военные теоретики, также работавшие в Институте военной истории Минобороны СССР, Ю.Я. Киришин, В.М. Попов, Р.А. Савушкин: «Современное оружие по своей разрушительности объективно переросло целесообразность его использования для достижения агрессором политических целей» (Киришин Ю.Я., Попов В.М., Савушкин Р.А. Политическое содержание современных войн. М.: Наука, 1987. С. 35). Большинство участников в развернувшейся на страницах журнала «Международная жизнь» дискуссии в целом поддержали изложенную выше точку зрения, что ракетно-ядерную войну нельзя считать войной в традиционном смысле этого слова.

С несколько иных позиций выступил кандидат исторических наук Н. Грачев: «Само ракетно-ядерное оружие создано, накаливается и совершенствуется по заказу политиков, оно есть выражение вполне осознанной политики. Политика решала и будет решать вопрос о применении или неприменении ядерного оружия. Агрессивные силы США уже не один десяток раз хотели применить ядерное оружие против СССР и других стран. И чего-либо принципиального, от чего это оружие перестало бы быть орудием войны, не произошло. Не лишает политического содержания ракетно-ядерную войну и ее случайное, из-за технического сбоя, начало, ибо в самой этой случайности повинна все-таки политика, готовившая войну. Тем более, что ответные меры в этой непреднамеренно начавшейся войне уже не будут случайностью. И вопрос об их применении будет решаться политическим руководством» (Грачев Н. О ракетно-ядерной войне и ее последствиях // *Международная жизнь*. 1988. № 1. С. 103).

Анализ военно-политического поведения сверхдержав в 1970-е и 1980-е годы, когда установился советско-американский военно-стратегический паритет, показывает, что в этих условиях государственное руководство США значительно реже и в более завуалированной форме прибегало к попыткам ядерного шантажа. Даже администрация Рейгана, несмотря на свой изначально воинственный облик, за все восемь лет пребывания у власти ни разу не прибегла к прямому ядерному шантажу. Не пришлось это делать и Советскому Союзу, который в прошлом несколько раз обращался к угрозе применения данного серьезного и обоюдоострого оружия.

Говоря о соотношении политики и войны в условиях ядерного противостояния, нельзя не упомянуть о такой проб-

Полемизируя с Н. Грачевым, известный военный историк Д.М. Проэктор писал, что «при наличии даже минимума здравого смысла никто практически не сможет использовать ядерные вооружения для войны и победы». Д.М. Проэктор при этом подчеркивал политическую роль ядерного оружия. Оно «становится скорее, так сказать, политическим оружием, выходя за рамки традиционного средства войны. Оружие прошлого — это прежде всего средство войны и лишь потом — средство не-прямых действий. А новейшее оружие — наоборот. Оно в первую очередь средство не-прямых действий и лишь потом, в самом крайнем и почти немыслимом случае, — средство войны» (*Проэктор Д.М. О политике, Клаузевице и победе в ядерной войне // Международная жизнь. 1988. № 1. С. 88*).

Грань, отделяющую политику от ядерного конфликта, который нельзя считать продолжением политики, данный автор определил следующим образом: «...процессы международно-политической борьбы, роста политической напряженности, подготовки к войне, даже движение к ней — все это политика. Совершенно иное состояние — это ядерная война, которую невозможно признать политикой, ибо она не обладает ни одним из ее признаков. Она уже никакая не политика» (Там же).

Д.М. Проэктор справедливо обратил внимание на роль формулы Клаузевица применительно к ограниченным войнам: «Если говорить о небольших, ограниченных, или локальных, войнах в тех или иных районах мира (вне противостояния Восток-Запад), которые ведутся обычными средствами, то здесь, вероятно, мысли Клаузевица о войне как политике, сменившей перо на меч, по-прежнему находят свое подтверждение... Хотя при внимательном рассмотрении возможности силового решения политических проблем неуклонно уменьшаются и здесь» (Там же).

леме, как возникновение войны «по ошибке», в результате сочетания непреднамеренных действий обеих сторон, вступающих в состояние своего рода «стратегического резонанса».

Можно выделить четыре основных источника опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны: технические ошибки в системах раннего предупреждения и управления ядерным оружием; неудачные принципы организации движения информации в системе принятия решений; человеческие ошибки в оценке военно-стратегической ситуации в результате неверной интерпретации поступающих данных; механические ошибки или нервные срывы человека в результате неадекватного состояния — усталости, болезни и т.п. Разумеется, наиболее опасно совмещение ошибок нескольких видов.

Несмотря на все достижения последних лет в ядерных государствах применительно к задаче предотвращения непреднамеренной, случайной ядерной войны, эта тема по-прежнему остается актуальной. Государственное руководство и высшее военное командование каждой ядерной державы должно постоянно держать под контролем соответствующие технические и особенно человеко-машинные системы, проверять надежность, адекватность действующих процедур, персонала, структур управления и соответствующей техники. Ядерная война «по ошибке» не может по определению быть рациональным продолжением государственной политики.

Но она вполне может оказаться логическим продолжением ошибочной политики в ряде сравнительно частных проблем — в подборе кадров, имеющих отношение к принятию решений о применении ядерного оружия и к его эксплуатации, в технической политике, касающейся соответствующих средств управления и контроля, и т.п.

Для предотвращения несанкционированного, случайного применения ядерного оружия необходимы регулярные тренировки с участием высшего государственного руководства (Верховного главнокомандующего и его «дублера» — того второго человека в государственной иерархии, который в случае невозможности выполнения Верховным своих обязанностей будет отвечать за приведение в действие «ядерной кнопки»).

Рациональным продолжением политики с использованием военных средств вполне может оказаться ограниченная ядерная война ядерного государства против неядерного (о чем подробнее будет сказано в главе, посвященной войнам тотальным и войнам ограниченным). В этом случае ядерному государству не угрожает ответный ядерный удар возмездия по «мягким целям», по крупным населенным пунктам⁹⁶.

* * *

Размышления о соотношении политики и военной стратегии в условиях непрекращающегося процесса технологического развития средств вооруженной борьбы, усиления их воздействия на человека и окружающую среду, в условиях динамично изменяющейся системы международных отношений, в том числе под воздействием процесса глобализации, остаются важным инструментом познания и формулирования оптимальной системы стратегического управления. Дискуссии по этим жизненно важным для судьбы нашего общества и государства вопросам должны идти сегодня и в России. Нам следует при этом исходить из наличия практически во всех государствах политических институтов, являющихся носителями идей и концепций силового разрешения международных проблем.

Для России вопрос об использовании военной силы в качестве инструмента политики остается исключительно актуальным, причем речь идет об использовании как прямом, так и косвенном, опосредованном, для предотвращения той или иной агрессии против нас или наших друзей и союзников. Для

⁹⁶ В такой войне могут, в частности, ставиться ограниченные политические и военные задачи по уничтожению объектов другой стороны, на которых ведется разработка ядерного оружия (и других видов оружия массового поражения — химического, биологического) и средств его доставки, по «обезглавливанию» системы либо государственного, либо военного управления, поражению определенных наиболее ценных объектов, сил и средств общего назначения. Такая война ядерного государства против неядерного представляется вполне «мыслимой» при определенных условиях, поскольку ядерное государство в этом случае не рассчитывает на ответный удар возмездия со стороны неядерного государства.

этого всегда необходимо прежде всего самым тщательным образом определять **политические** цели для применения военной силы, для военной стратегии.

Это относится и к вопросу о ядерном сдерживании как самой ощутимой форме небоевого применения военной силы. Тем более, что ядерное сдерживание в современных условиях играет для России особую роль, в том числе в силу слабости сил общего назначения, общей экономической слабости.

Эта роль будет оставаться весьма значимой на протяжении многих десятилетий. Мир вряд ли станет более безопасным по сравнению с тем, каким он сложился в последнее время.

Аксиоматичная сегодня формула Клаузевица «война является лишь продолжением политики иными, насильственными, средствами» полностью применима и к таким крупнейшим проблемам международной безопасности и национальной безопасности отдельных стран, как терроризм и распространение ядерного оружия (и других видов оружия массового поражения)⁹⁷.

Масштабы соответствующих угроз сегодня сопоставимы с теми, что имели место в период накануне Второй мировой войны. «Синтетическая», относительно новая проблема международной и национальной безопасности — это проблема получения радикальными неправительственными организациями в свои руки оружия массового поражения.

Следуя формуле Клаузевица, необходимо признать, что главной проблемой является не сам по себе терроризм⁹⁸, а ра-

⁹⁷ Выступая в МГУ им. М.В. Ломоносова 8 декабря 2002 г., Президент России В.В. Путин сказал: «Известно, что война — это “продолжение политики”, только иными средствами. Международные террористы, чем бы они ни прикрывались, также ведут борьбу за политические и экономические рычаги влияния в мире. Именно это является их целью. Ими движут не эфемерные, а вполне конкретные цели. Сегодняшние террористы пристально высматривают для себя цели и прицельно бьют по ним. Бьют по объектам и моделям цивилизованного экономического и социального развития» (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на VI съезде Союза ректоров России 8 декабря 2002 г. Официальное интернет-представительство Президента РФ, 2002. URL: [press_offit.PRESIDENT.KREMLIN.RU](http://press.offit.PRESIDENT.KREMLIN.RU)).

⁹⁸ В ряде случаев и он как феномен современной цивилизации может жить сравнительно автономной жизнью, как не раз в истории война

дикальные политические организации, использующие террористические методы.

Соответственно, если говорить о целях «войны с терроризмом»⁹⁹, речь должна идти о политическом поражении радикальных организаций всеми средствами и методами высшей стратегии — спецоперациями, перекрытием каналов финансирования, спецпропагандой и даже военными действиями. Огромную роль играет в этой борьбе дипломатическое обеспечение.

Аналогичной логике необходимо следовать и в решении проблемы распространения ядерного оружия.

Государства приобретают собственное ядерное оружие не потому, что им становятся более доступны соответствующие технологии, знания, «ноу-хау», а потому, что в них в определенный период складывается критическая масса интересов, побудительных мотивов, группировок политической, технократической и военной элиты, которые принимают политическое решение о превращении своего государства в ядерную державу. Политической целью в этой сфере является недопущение появления новых ядерных государств. Данная цель имеет много общего с задачей недопущения получения ядерного оружия радикальными политическими негосударственными организациями.

Террор, терроризм направлен прежде всего на массовое устрашение в определенных политических целях — сильнейшее политико-психологическое воздействие на государственных лидеров, политическую элиту, СМИ, на общество в целом, а не просто на уничтожение тех или иных неугодных террористам деятелей. В этом отличие современного массового террора от индивидуального террора, который, например, пропове-

начала при определенных условиях эмансипироваться от политики, породившей войну, и жить относительно автономной жизнью.

⁹⁹ Так называемая война с терроризмом — термин, являющийся продуктом публичной политики. Он носит лозунговый характер. Но природа лозунговости такова, что она прямо воздействует и на механизмы и процессы стратегического управления — помимо воли тех, кто запустил в оборот лозунг или термин.

довали в России в начале XX в. социалисты-революционеры (эсеры), а до них — «Народная воля».

* * *

Теоретические вопросы соотношения политики и военной стратегии имеют, как уже отмечалось выше, прямое отношение к вопросу о построении оптимальной системы стратегического управления (руководства) Вооруженными силами РФ. В нашей стране после распада СССР не раз поднимался, в частности, вопрос о роли Генерального штаба ВС РФ в такой системе, о трактовке самого понятия «Вооруженные силы».

Возникали ситуации, когда Генштаб добивался даже определенной автономности от остальной части министерства обороны.

Представляется, что на основе теоретических положений по данной теме должны быть в законодательном порядке определены роль, полномочия, ответственность в стратегическом руководстве Вооруженными силами не только Президента — Верховного главнокомандующего и Правительства Российской Федерации, но и министра обороны и начальника Генерального штаба ВС, а также командующих объединенными командованиями на потенциальных театрах военных действий. При этом в предварительном порядке должны быть проиграны различные модели принятия политико-военных, военно-стратегических и оперативно-стратегических решений (и их реализации).

Представляется, что Генштаб ВС РФ не может в нашей стране уподобиться Комитету начальников штабов ВС США, который, как правило, не включается в контур стратегического управления. В России Генштаб, безусловно, должен быть одним из главнейших элементов стратегического управления в военной сфере. При этом следует иметь в виду, что политика (и внешняя, и внутренняя) в современных условиях глобализирующегося мира и информационного общества пронизывает все уровни боевого применения Вооруженных сил — стратегический, оперативный и даже тактический. Это в полной мере относится к гуманитарным операциям и операциям по поддержанию мира.

Действия военного ведомства (в том числе Генштаба ВС РФ), различных компонентов Вооруженных сил при проведении тех или иных операций должны тесно сопрягаться с деятельностью других ведомств — Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопасности, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства транспорта, РЖД и др. Это взаимодействие необходимо тщательно отрабатывать на различных учениях, для чего и в Минобороны РФ, и в других ведомствах должны иметься специальные подразделения.

Важную роль в оказании всесторонней помощи высшему государственному руководству в подготовке принятия решений, связанных с применением военной силы, должен играть Совет Безопасности (СБ) РФ и его аппарат во главе с секретарем СБ и его заместителями.

Конец ознакомительного фрагмента

Полная версия книги доступна на litres.ru ➤

Научное издание

Кокошин Андрей Афанасьевич

**Политико-военные и военно-стратегические проблемы
национальной безопасности России
и международной безопасности**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 22.08.2013. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Newton C. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 13,8
Тираж 600 экз. Изд. № 1673

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52